
КАЛЛИ ХАРТ
СЕРА
ПЕРЕВОДЧИК О. ПИРОГОВА
18+
БЕСТСЕЛЛЕР #1 ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

Калли Харт

Сера

Серия «Фейри и алхимия. Романы Калли Харт», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74741701
Сера:
ISBN 978-5-17-182182-1

Аннотация

Я никогда не стремилась к власти. Не мечтала о том, чтобы предо мной падали на колени… Но сейчас надела корону повелительницы вампиров, и будь я проклята, если позволю этим заносчивым тварям увидеть мою слабость. Ведь тогда они сожрут и меня, и тех, кого я люблю. Алхимерийские руны проступают на руках, сжигая плоть до костей, – древняя магия уничтожит все вокруг, если не сумею взять ее под контроль. И, как будто этого мало, на Ивелию обрушивается неведомая прежде беда. Чудовищные мертвецы распространяют гниль, убивающую растения и животных, фейри и людей. Зло, которое невозможно остановить, движется по нашим землям…

Но даже в кромешной тьме нужно верить в свет, так? Чтобы спасти мир и всех, кто мне дорог, я вместе со своим супругом,

Кингфишером с Аджунского перевала, готова пройти сквозь огонь и серу.

Вторая часть авторской серии, продолжение романа «Ртуть». В книгу включены семь дополнительных глав.

Содержание

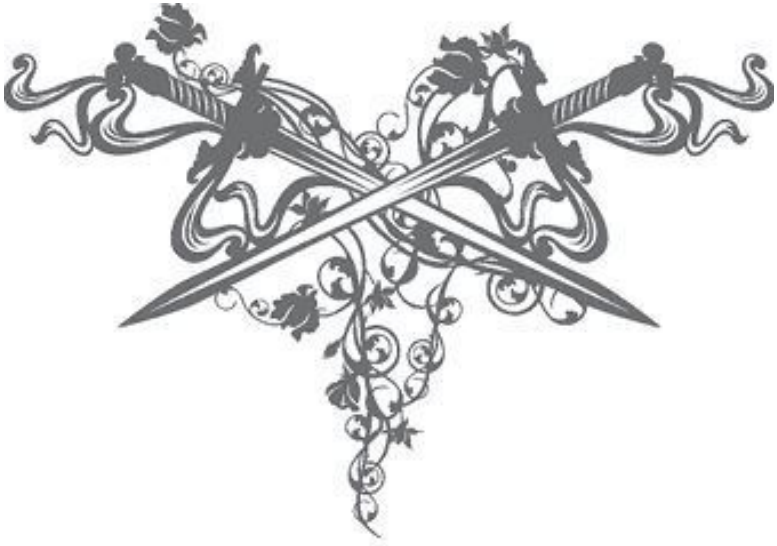
Пролог	8
1	34
2	54
3	74
4	96
5	113
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Калли Харт
Сера

Callie Hart
BRIMSTONE
© Callie Hart, 2025
© Пирогова О., перевод, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Верно, ад опустел: здесь все его демоны.[1]
Уильям Шекспир, «Буря»

[1] Цит. в пер. М. А. Гамазова (1812–1893).

Аджун-Скай
Пылающее око
Крученый лес
Р. Разлом
Земли клана Блэкмаер
Неверкросс
ГИЛАРИЯ
Зимний дворец
Калиш
Талластрай
Памятник горам
ИВЕЛИЯ
Ольдамеррин
Баллард
о. Гарпичье
Ирриш
Иништар
Западное Доу
ЛИССИЯ
Река Дарн
Шест
САНАЗРОТ
Аннонтрайст

Пролог

Кингфишер

Волк – существо изворотливое.

Умеет приспосабливаться.

В стае волк – часть чего-то большего, чем он сам. У него своя роль и место в общем порядке вещей. В стае легко обрести безопасность.

Но волк умеет выживать и в одиночку.

Глухой полночью в лесу среди хищников он может тенью скользить между деревьями. Может скрываться во мраке, выслеживая добычу.

Может подкарауливать врагов и атаковать в ответ, едва они нападут…

Особенно если у него в руках бог мечей.

Я был готов, когда явился вампир. Он призраком следовал за мной по гулким коридорам Аммонтрайета, с тех пор как я покинул покои Сейрис. Я чувствовал, что он там – томится на медленном огне. Выжидает.

Чтобы читать живых, особых навыков не нужно. Некоторые веками оттачивают способность владеть собой. Это делается для того, чтобы не выдать ни чувства, ни мысли, ес-

ли ты часть другой стаи – фейри. Но каких бы высот ты ни достиг в сокрытии эмоций, тело в конечном итоге тебя подведет. Неизбежно.

Эмоции просачиваются в кровь.

Счастье.

Злость.

Печаль.

Вожделение.

Каждая из них несет свою энергию. Обладает особой вибрацией, если хотите. В одной и той же вене у всякой эмоции будет свой запах. Любого фейри выдадут мельчайшие индикаторы настроения, независимо от того, насколько хорошо он умеет скрывать свои чувства.

А уж запахи, исходящие от людей, порой сбивают с ног. Люди вообще не способны держать себя в узде. Они чувствуют неистово и напоказ, не заботясь о том, как сильно их реакции могут задеть кого-нибудь с более острым восприятием.

С мертвыми дело обстоит иначе. Сердце у них не бьется, и кровь застаивается в венах бесполезной черной жижей. Члены саназротского двора источают какой-либо запах лишь после того, как насытились, пока искра жизни, еще не угасшая в крови жертвы, пульсирует отголосками эмоций, которые та испытывала, умирая. Так слабый запах чужих духо`в не сразу рассеивается после объятий.

Час назад я упивался ароматом земли после дождя, си-

дя рядом с моей истинной любовью, и наслаждался музыкой ее голоса, когда она донимала Тала расспросами о Кровавом дворе. С тех пор как очнулась, она неугомонна – старается побольше узнать, понять, подготовиться к грядущим событиям. В основных чертах наш план уже сложился, Сейрис уяснила себе роль, которую ей предстоит сыграть в его осуществлении… но она нервничает. Учитывая, что всего несколько дней назад она еще была человеком, ей неплохо удается справляться с эмоциями – куда лучше, чем раньше, – но у меня обоняние острее, чем у большинства. Я уловил ее неуверенность. Это было похоже на запах горячего камня под дождем.

Я дышал ею, впитывал ее и вдруг различил *иной* запах.

Должно быть, вампир вдоволь напился крови, перед тем как устроил засаду, затаившись во мраке у покоев Сейрис.

Я извинился, вышел в коридор и отправился искать тухлятину.

Двумя ярусами ниже, на пути в недра Черного дворца, ее нашло острие моего клинка.

Вампир был прекрасен. При жизни его лицо, возможно, казалось заурядным, а кожа со временем стала бы тусклой и дряблой. Но смерть сохранила его облик и довела до совершенства. Высокие скулы. Благородный орлиный нос. Глаза, наверное, раньше были голубыми, теперь же они мерцали призрачными опалами. Рот приоткрылся, обнажив клыки – порочные и белые, как кости. Губы сложились в удивленное

«О», но он не успел издать ни звука. Опустил взгляд и ошеломленно обнаружил, что у него из груди торчит Нимерель, вошедшая по рукоять.[2]

– Ты… испортил бархат, – прохрипел вампир.

Что правда, то правда: клинок бога мечей проделал трехдюймовую дыру в черном бархате его камзола. Я виновато пожал плечами и вздохнул:

– Побочный эффект убийства. Но ведь и у твоих жертв одежда в процессе приходит в негодность. Ты же и сам это знаешь, верно?

Цветок смерти распустился на его рубашке, чернильно-черный цветок. Ублюдку хватило смелости взглянуть на меня с вызовом.

– Я в курсе… этой проблемы, да, – выдавил он.

– Ну, больше тебе не придется из-за нее переживать.

Еще до того, как вампир выметнулся из теней, я знал, что он не ищет битвы. Остальные обитатели Черного дворца спали, и он тоже не должен был бодрствовать. Этот вампир, разодетый, как на парад, и с желудком, раздутым от крови невинных, явился сюда за тем, чего он не заслуживал. За тем, что мог ему дать только я.

Он пошатнулся, попытался ухватиться за меня, чтобы сохранить равновесие, но его руки уже обращались в прах. Когда он снова заговорил, голос зашелестел пустынным ветром:

---

[2] Как мы узнаем из дополнительных глав, меч Кингфишера – женского рода. *(Примеч. ред.)*

– Прости. Я бы не смог… вытерпеть…

Солнце?

Огонь?

Огонь в этом месте найти трудно. Случайно на него наткнувшись, любой вампир вспыхнул бы, как вязанка сухого хвороста. В очагах Аммонтрайета горит «вечерний свет». И в факелах на стенах – тоже. Вероятно, этот жалкий ублюдок не отыскал бы тут даже спички. Да и кто пожелал бы себе такой смерти, в общем-то? Не самый легкий способ уйти. Слишком болезненный. И драматичный.

То ли дело рассыпаться в прах.

Чистое милосердие.

– Ты спас меня от того… во что я… превратился, – со свистом выдохнул вампир. В его глазах читалась благодарность. И облегчение.

Я наклонился ближе – нужно было убедиться, что он услышит каждое мое слово, пока не станет пылью на пути к окончательной смерти:

– Я делаю это не ради тебя. Я делаю это ради всех, кем ты пировал. Отправляйся в ад, клещ.

Надежда на утешение, которого он ждал от меня, погасла в его глазах.

– Они собираются… *уничтожить* ее, ты ведь знаешь? Это уже… предрешено. Двор… падет… вместе с ней.

Губы вампира изогнулись – в улыбке облегчения или в презрительной усмешке, я не понял.

– Сейрис в безопасности, – отрезал я. – Не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

Но он только рассмеялся. Издал пару отрывистых хриплых смешков. Его подбородок превратился в прах. Следом – щеки. Голос надломился, оборвался одновременно с тем, как рассы`палась глотка. К тому моменту, когда клыки вывалились из челюсти и упали изо рта, он уже не смеялся.

Вампир развалился, вампира не стало. Зубы заскакали по полу – *бряк, бряк!* – прочь, к ступенькам лестницы, которая вела глубже в недра Аммонтрайета.

Бряк…

Бряк…

Бряк…

Черный дворец был огромен. С тех пор как здесь оказался, я уже потерял счет убитым мной высокородным вампирам. Поначалу дети Малькольма, привлеченные теплом моей крови, подстерегали меня по одному, по двое в каждом темном коридоре из обсидиана. Однако члены Кровавого двора быстро поняли, что им не выстоять против бога мечей. Или против того, кто им владеет. Сейчас они еще спят, но скоро должны проснуться. А потом пусть лучше попрячутся по углам, ради своего же блага.

– Уф!.. Вот ты где!

Рыжеволосый остановился у нижней ступеньки, тяжело дыша и отдуваясь. Вскинув бровь, он уставился на зубы, доскакавшие к его ногам, но комментировать это не стал и пе-

ревел взгляд на меня:

– Тебе надо… пойти со мной. Немедленно.

– Ты не должен был покидать свои покои, Кэррион.

В Черном дворце странная акустика. Воздух кажется густым. Он будто полнится неслышным гулом, и от этого зудит кожа. Мои слова прозвучали приглушенно, но до ушей контрабандиста они все же долетели. Он сердито запыхтел, заторопился вверх по ступенькам, а я уже шагал прочь, в том направлении, откуда пришел.

– Я был бы… счастлив… сидеть сейчас у себя в покоях… и носа не высовывать, но… сумерки на подходе. Дворец просыпается.

– Точно.

– Да постой же! Слушай, я тут… смотрел в окно… и увидел… кое-что…

– Это называется закат, Свифт. Если хочешь пожить подольше, чтобы увидеть и другие закаты, я в любой момент готов перенести тебя в Калиш. Оттуда ты сможешь любоваться закатами и даже рассветами до посинения. – Надежда всегда при мне. Я постоянно предлагал контрабандисту отправить его подальше от Аммонтрайета – и от Иррина, – но парень был упрям и становился все упрямее.

– Заманчивое предложение, спасибо, только мне и тут неплохо. – Он все-таки одолел подъем и теперь шел за мной, не отставая ни на шаг.

– Позволь спросить еще разок: что именно заставило тебя

зависнуть в Аммонтрайете, как вонь над болотом? – поинтересовался я, не снижая скорости. – Кошмарное же место.

– О, да так, – смущенно отозвался Кэррион, – есть у меня свои причины.

Что ж, он может иметь свои причины до тех пор, пока ни одна из них не связана с надеждой, что Сейрис вдруг признается ему в вечной любви. Такому не бывать.

– Фишер! Боги неумирающие! Можешь, блин, помедленнее, а? Дело важное!

Я страдальчески вздохнул и развернулся к нему:

– Дело *действительно* важное или оно тебе *кажется* важным?

Кэррион вечно вопит о важности всяких дурацких мелочей, которые не заслуживают внимания.

Он вскинул брови, сердито уставившись на меня:

– Не знаю. Для тебя важно счастье любимой женщины?

Я бесстрастно смерил его взглядом:

– Говори. Живо.

Он замотал головой:

– Нет, нам нужно… окно.

Если солнечный свет убивает, окно – это верная смерть. Поэтому до окон здесь было не так просто добраться. Мы нашли одно на следующем ярусе, размером фут на фут и с дымчатым стеклом, плохо пропускающим солнечные лучи.

Узкий обзор, который оно давало, мог бы и вовсе помешать мне рассмотреть источник беспокойства Кэрриона,

но, к счастью, этого не случилось. Я внимательно прошелся взглядом по доступному отрезку выжженной земли между Аммонтрайетом и рекой, но ничего особенного вроде бы не увидел…

О боги.

– Я поначалу решил, это просто кучка снега, – сказал Кэррион Свифт.

У меня упало сердце.

– А потом заметил, она движется, – продолжил запыхавшийся Кэррион. – Бежит то есть. Быстро.

Я сорвался с места и, обогнув его, бросился вниз по ступенькам. Контрабандист рванул за мной:

– Я сразу помчался тебя искать! Не знал, нужно ли сначала… предупредить ее или нет…

– Заткнись и беги!

– Что… Что ты собираешься делать? – выдохнул он.

– Сам как думаешь?! – прорычал я. – Спасать гребаного лиса!

Я оставил его в Калише.

Не в Иррине.

В Калише. *По ту сторону гор*.

Омнамеррин – один из самых коварных и опасных горных хребтов во всей Ивелии. Его крутые, отвесные склоны непреодолимы для фейри. Я знаю всего несколько воинов, совершивших восхождение на острые пики и сумевших уцелеть, чтобы об этом рассказать. Оникс родился среди снегов и льдов, но даже он не выжил бы в горах. Там сходят лавины. Они, должно быть, накрывали его одна за другой. Ему приходилось выкапываться из снега. Он не мог найти ни пищи, ни убежища от пронизывающего ветра.

Оникс покинул безопасный Калиш. Ради *нее*.

Одолел горы. Ради *нее*.

Пробрался через Иррин и переплыл реку. Ради *нее*.

И вот теперь за ним гналась по мертвой земле Саназрота орда фидеров. Наверняка он устал и готов был сдаться, но еще бежал. Ради *нее*.

А я не собирался позволить лисенку умереть.

Я промчался по дворцу и дальше, по Зубцам – многоуровневому поселению, которое годами строилось вдоль периметра дворца. Сейчас мощеные улицы были пусты, но это ненадолго.

Билл.

Мне нужно было добраться до Билла.

Лошадей в Аммонтрайете не жалуют. Их невозможно держать в конюшнях. У вампирской знати здесь расквартирован мертвый резерв, а голодные фидеры голыми руками снесут стену, чтобы добыть теплую конину. Билла, Аиду и еще двух

гнедых кобыл разместили в отдельной постройке в пятистах футах от главного двора, за высокой стеной, которая опоясывает самый нижний уровень Зубцов. Я чуть не сорвал металлические двери с петель, спеша к своему коню.

Взнуздать его даже не потрудился. Вскочил на голую спину Билла и направил коня к выходу из стойла. Верного друга не пришлось просить дважды. Когда мы вылетели из открытых дверей, Кэррион еще даже не пересек внутренний дворик.

– Возвращайся во дворец! – рявкнул я.

– *Нет!*

– Боги и гребаные грешники! – Я обругал его на старофейрийском, галопом поравнялся с ним и наклонился, вытянув правую руку. Этот дурень ухватился за нее и одним прыжком оказался на спине Билла позади меня.

– Что, даже не спросишь, как я этому научился? – проорал контрабандист мне в ухо.

– Нет, – отрезал я.

– Лоррет мне показал!

Если он хочет поздравлений, пусть закатает губу. От лиса нас отделяла целая миля глинистого сланца, местами усыпанного пеплом по щиколотку. Обычно лошади осторожно прокладывали себе путь по такой рыхлой, смертельно опасной почве, но сейчас у нас не было времени. Билл, храпя и фыркая, ринулся прямо на приближавшихся фидеров. Даже не дрогнул.

– Вот молодец, – шепнул я ему. – Вперед. Спасибо тебе. *Спасибо*.

Надо было оставить Кэрриона во дворце. За лисом гналось больше фидеров, чем я заметил поначалу. Двадцать? Тридцать? Больше, чем я смогу уложить без помощи магии, которая не работает по эту сторону Дарна, и парень позади меня – контрабандист, а не опытный воин. Солнце между тем уже исчезало за горизонтом. Свет стал достаточно тусклым для фидеров – это означало, что и высокородные вампиры Саназрота скоро проснутся. Если дурня отправить обратно без сопровождения, его вмиг растерзают.

Мы быстро сокращали расстояние до лиса.

Но и фидеры тоже.

Их вечно терзает жажда, а живое существо осмелилось сунуться на саназротские земли, возможно, впервые за последнюю сотню лет. Безмозглая пехота Саназрота не упустит такую удачу ни за что на свете.

Теперь я отчетливо видел Оникса.

Прижав уши с черными кончиками, лис мчался изо всех сил. Отталкивался от камня, взлетал белым промельком в сгущавшейся тьме и снова приземлялся, взбивая лапами пепел и оставляя позади вихрящийся след.

– Давай, – процедил я сквозь зубы. – Давай же. *Беги*.

Теперь до него оставалось меньше мили. Мы были к нему все ближе. Так же как и фидеры. Он устал, я в этом не сомневался. Язык, высунутый из пасти, развевался красным флаж-

ком. Видны были белки` глаз. Лисенок умирал от страха.

Я не сразу заметил, что Кэррион сзади вцепился в мой наспинник. В отсутствие седла держаться ему было не за что, так что выбора и правда не оставалось. Я все же досадливо выругался, пригнувшись к холке и понукая Билла. Он скакал все быстрее, быстрее. Ни разу не сбился с ритма.

– Мы почти на месте! – заорал Кэррион.

Я скрипнул зубами так, что чуть не треснули челюсти.

– Держись!

Останавливаться будет нельзя. Если остановимся – умрем. Я одной рукой крепко взялся за гриву Билла и взмолился всем ненавистным богам во второй раз за последние несколько дней.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Пожалуйста…

На губах фидеров белела пена. Их неразборчивый гомон становился все громче, пока мы подъезжали ближе, ближе, ближе.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Они почти поравнялись с Ониксом. Отставали на волосок. Самый резвый из них, мужчина в грязной изорванной рубахе, сделал рывок, норовя схватить добычу. Билл в страхе

отпрянул, взвился на дыбы, заржал. Копыта заскользили по вулканическому стеклу – он тщетно пытался развернуться, спасаясь от надвигавшейся угрозы. Зазубренные когти фидера мазнули по шерсти лиса – и лис *прыгнул*.

Кэррион его поймал…

…и, в тот же миг свалившись со спины Билла, проехался на заднице.

Боги и долбаные мученики!

– *Вставай, Свифт!* – взревел я.

Рыжеволосый принц, крепко прижимая к себе Оникса, начал подниматься. Он двигался проворно, но недостаточно быстро. Я развернул коня круго`м на месте, мордой к фидерам, и соскочил с его спины.

– Спокойно, приятель. Тпру! Жди меня, – шепнул я Биллу, а потом обнажил Нимерель, и резня началась. Бог мечей сочился черным дымом, со свистом рассекая воздух. Когда я взмахнул клинком снова, за ним разлетелись ошметки омертвевшей плоти и костяной крошки, как горсть бумажных обрывков.

– Меч наголо, Свифт! – рявкнул я через плечо.

Кэррион уже был на ногах, с Саймоном, его богом мечей, в руке. Оникс вывернулся из объятий и завертелся на земле, прячась под ногами Билла, что не очень-то помогало коню успокоиться. Но все же Билл стоял на месте, храпя, перебирая копытами и пуча глаза, – он был напуган, но выполнял приказ. Волна фидеров вот-вот должна была накрыть нас.

– Руби головы! – крикнул я. – Не облажайся, Кэррион!

– Ни-ни!

Он занял позицию рядом со мной, в боевой стойке. Я даже успел удивиться. Стойка была правильная. Почти. И когда хищная толпа фидеров обрушилась на нас, он не погиб в тот же миг. *Обалдеть*.

Серебро и фейрийская сталь замелькали в воздухе, рассекая ублюдков. Я принял на себя основной удар. Несколько фидеров, ускользнувших от меня и атаковавших Кэрриона, тоже попа`дали на землю. Большинство из них сохранили головы на плечах и все еще норовили убить контрабандиста, но он, по крайней мере, свалил их с ног. Позади заполошно взвыл Оникс.

Семь фидеров.

Восемь…

К тем троим, которых опрокинул Кэррион, присоединился четвертый.

Сорок футов отделяли нас от новой волны атакующих. Я сгреб Кэрриона за шиворот и потащил его к Биллу. Пока что нам везло, но везение не будет длиться вечно. Подхватив Оникса, я запрыгнул на спину коня и дернул Свифта за собой.

Аммонтрайет маячил впереди – сжатый кулак с шипами на костяшках пальцев, грозящий небесам из сумеречной мглы. Не дворец – *твердыня*.

Я взялся за гриву Билла, вознес богам последнюю мольбу,

и мы вихрем понеслись обратно.

Когда мы добрались до Зубцов, Ад проснулся и клацал клыками. Высокородные и низшие вампиры дружно таращились на нас с обсидиановых стен, которые защищали городок у подножия Аммонтрайета. В глазах чудовищ были осуждение и голод, когда Билл неохотно брел к стойлам. Там нас уже ждал Лоррет – скрестил руки на груди и хмурился.

– Клянусь всеми богами, Фишер, я слышал, как, выходя, ты сказал, что сейчас вернешься. А следующее, что я увидел, – это как ты сломя голову мчишься по мертвой полосе в лобовую атаку на живых мертвецов!

Кэррион со стоном сполз со спины коня.

– А ты? – зашипел на него Лоррет. – Совсем кукуха съехала? – Он смотрел на контрабандиста таким взглядом, будто и правда видел эту съехавшую кукуху.

– Я вообще ни при чем. Всего-то и сделал, что убил четырех фидеров и спас Фишеру жизнь.

Кэррион напустил на себя обычный беззаботный вид, но теперь было ясно, что он по-настоящему напуган. Сдается мне, то, как мы только что разминулись со смертью, все же произвело на него должное впечатление.

Хотелось его удавить.

– Ты их не убил, а разве что покалечил, – буркнул я. – А в тот день, когда ты спасешь мне жизнь на поле битвы, я надену юбку и спляшу гребаную джигу.

Из-за того, что он увязался за мной, мы оба могли погибнуть. Он, мать его, упал с коня. А если бы с ним что-то случилось? Сейрис мне этого не простила бы.

Зато…

Оникс заскулил.

Он дрожал, свернувшись клубком у меня на груди, и в черных блестящих глазах до сих пор таился страх. Шерсть у него была в грязи, а на задней правой лапе она слиплась от крови. Когда я коснулся раны, лис взвизгнул, явно от боли.

На Кэрриона Свифта придется наорать позже.

– Идемте, – сказал я. – Надо вернуться во дворец, пока эти долбокряки не решили попробовать кого-нибудь из нас на вкус. – Я перевел взгляд на друга. – Ну что, пока не нашел его?

У Лоррета дрогнули ноздри, желваки заиграли на скулах.

– Нет. Я все обшарил вдоль и поперек. Если Фоли здесь, даже не представляю, где он прячется.

Очень жаль. Фоли нам нужен. Я вздохнул, постаравшись скрыть разочарование:

– Ничего, продолжай искать. Что-то мне подсказывает, пока еще рано сдаваться.

– А кто такой Фоли? – спросил Кэррион.

Лоррет открыл было рот, собираясь ответить, но нерешительно взглянул на меня.

Существование Вселенной может закончиться, а вопросы у Кэрриона Свифта не закончатся никогда. Но на его месте я, наверное, тоже проявил бы любопытство, поэтому кивнул Лоррету и отвел взгляд, когда тот начал объяснять:

– Фоли был нашим другом. И остается. Он один из нас. Мы потеряли его на горе´ Аджун.

Сейрис говорила, что Лоррет сложил балладу об Аджуне, о битве, которая там отгремела, но ртуть забрала эту песню в обмен на разрешение перековать для барда меч Ависиэт. Кэррион об Аджуне уже расспрашивал. Пока мы все ждали, когда Сейрис очнется после Полуночного Поцелуя, Лоррет рассказал контрабандисту много историй о наших подвигах. И о друге, которого у нас забрал дракон, тоже упомянул. Но без подробностей.

– Если вы потеряли его на Аджуне, тогда как же он… – Кэррион замолчал и нахмурился: до него, похоже, дошло. – О, вы его *потеряли*. Но он еще жив. Здесь, да? – Он посмотрел на острые как бритва стены Черного дворца, возносившиеся над нами.

– Да, – сказал Лоррет. Удивительно, как в одном слове можно сконцентрировать такое напряжение. Воин прочистил горло. – Я тут все вверх дном переверну и разберу по камешку, если понадобится, Фишер. Не переживай. Я его найду. Идите уже, возвращайтесь во дворец. Сейрис держалась

молодцом, но я видел, что она в панике. Я повожу Билла по кругу, чтобы остыл, и вычищу его. – Говоря это, он погладил коня по лоснившейся от пота шее и похлопал по спине.

Я спешился, постаравшись, чтобы Оникса не тряхнуло слишком сильно. Спрыгнул на землю осторожно и мягко, но лис все равно взвизгнул. Под мехом прощупывались косточки. Сердце защемило, когда я увидел, что у него сломаны и кровоточат лапы.

– Тебе придется нести Оникса, – сказал я Кэрриону, когда мы двинулись к Зубцам.

– Еще чего! Не буду я его нести. Он меня не любит.

Я живо выхватил из ножен Нимерель, крутанул ее и поднял у Кэрриона перед носом.

– Значит, предпочитаешь нести меч? – поинтересовался я. – Тебе понадобятся два бога мечей, если хочешь прокладывать для нас путь по Зубцам и по коридорам дворца.

Контрабандист побледнел при виде клинка. Еще бы: если прикоснешься к богу мечей, принадлежащему другому воину, в лучшем случае отделаешься страшными ожогами. В худшем – потеряешь руку. Или жизнь.

– Давай сюда ли`са, – сказал он, опасливо косясь на Нимерель.

Возвращение в покои Сейрис заняло у нас больше времени, чем хотелось бы. За собой мы оставили длинный след из вампирских зубов – клыки скакали и катились сначала по мощеным улицам, затем по полированным плитам и ступе-

ням, когда мы поднимались с одного яруса дворца на другой. К тому моменту, как двери комнаты Сейрис закрылись за нами, я потерял счет убитым вампирам, одежда Кэрриона вымокла от черной крови, а Оникс отрубился от изнеможения.

Сейрис ждала нас у дверей, и на ее бледном прекрасном лице блестели дорожки слез. Она была в черной мантии, расшитой золотом. При виде Оникса на ее лице отразилось потрясение.

– Боги! Он в порядке? – прошептала она едва слышно, как будто боялась задавать этот вопрос, потому что страшно было услышать ответ.

– С ним все будет хорошо, – сказал я. Боги, как же хотелось заключить ее в объятия и не отпускать. Я знал изгибы ее плеч наизусть. Знал, как изящно завиваются прядки волос у нее на висках. Знал ее дерзкий взгляд и вызов в глазах, который она выставляет как щит. Но еще ни разу не видел, какая она в скорби. Передо мной будто бы предстала незнакомка, непрошеная гостья, которую захотелось немедленно прогнать, потому что от ее присутствия в комнате у меня заныло сердце.

Несмотря на травмы, лисенок завертелся у Кэрриона на руках, полный решимости достичь наконец цели своего путешествия. И только когда он почувствовал себя в безопасности, прижавшись к груди Сейрис, его напряженное тело расслабилось.

Оникс дрожал, тяжело дыша, и глаз не сводил с Сейрис.

Она осыпа`ла меня проклятиями и скалила зубы перед лицом любой угрозы с тех пор, как я ее встретил. Даже в тот день, когда я нашел ее на ступенях Зала зеркал, умиравшую от ран, нанесенных Харроном, в ее глазах был вызов. А сейчас она просто расплакалась, баюкая лиса на руках, и для меня это было невыносимо.

Я протянул руки за лисом:

– Дай-ка его мне.

Глаза у Сейрис бледно-голубые, как зимнее небо, когда заря занимается над горами. Она вопросительно взглянула на меня, но не осмелилась высказать сомнения. Нижняя губа у нее дрожала. Но она тяжело сглотнула, сделала глубокий вздох и протянула Оникса мне.

Кэррион ушел. В кои-то веки вору хватило ума оценить обстановку и ретироваться. Сейрис широко открытыми глазами смотрела, как я несу лиса к двери на балкон, и сердце ее билось отчаянно.

Изначально эти покои по праву принадлежали первому из всех вампиров – королю Кровавого двора Малькольму, но он проводил здесь мало времени. Тал говорил, что Малькольм спал в башне над нами – этот параноик запирался за железными дверями толщиной в пару футов. Я не мог представить его стоящим на балконе у всех на виду под небом, ощетинившимся звездами. Он здесь собственной тени боялся…

Сейрис в лунном сиянии была ослепительна. Волосы полоскались на легком прохладном ветру королевским стягом.

– Раз уж… – У нее в глазах стояли слезы. – Раз уж тебе придется это сделать, постарайся хотя бы, чтобы все закончилось быстро.

Грудь сдавило металлическим обручем. Она думала, я хочу избавить бедного зверька от страданий. Она так думала – и тем не менее отдала его. Сейрис мне доверяла, считала, я сделаю то, что необходимо, чтобы спасти ее друга от боли.

Я ласково улыбнулся, качнув головой:

– Говорю же тебе: с ним все будет хорошо, Оша. Обещаю.

Я присел и пристроил на колене комочек белого меха, испачканного кровью. На меня доверчиво уставились два блестящих, как полированный черный янтарь, глаза.

– Исцеляющая магия у меня относится к разряду малых, – шепнул я ему. – И думаю, нам обоим повезло, что ты тоже мал.

Я дождался, когда от магического потока потеплеют ладони. Эту магию я применял, когда был фейлингом, чтобы синяки заживали быстрее. А однажды попробовал вылечить сломанный большой палец и почти до дна исчерпал свой запас исцеляющей энергии. Тогда, в детстве, я пожаловался матери, что мои целительские способности совсем невелики, но она рассмеялась и потрепала меня по голове. «Никогда не сомневайся в своих магических силах, милый, – сказала мне мать. – Каждая из них – дар, и каждой у тебя найдется ровно столько, сколько нужно, когда возникнет необходимость. Верь в себя. Тебе на все хватит сил».

Оставалось надеяться, что она была права. Я занес ладони над покалеченной задней лапой Оникса. Сначала почувствовал сопротивление – некий барьер, который поддался не так легко, как тот, что возникает между мной и моей магией теней. Но все же он рухнул, и это отдалось внутри волной боли. Я поморщился…

– Что? – вскинулась Сейрис. – Что случилось? Что ты делаешь?

Оникс заскулил. Его голова лежала у меня на колене, и полное изнеможение зверька уже просочилось в канал, который я установил между нами. Лис чудовищно устал, а в его задней лапе пульсировала боль. К счастью, кость не была сломана, только треснула. Он *слишком* долго бежал.

– Фишер!

– Минутку, Оша, – сказал я. – Доверься мне. Много времени это не займет.

Я закрыл глаза и *зачерпнул*. У некоторых фейри нет доступа к малым магиям. Малые магии не принадлежат к разряду врожденных, таких, как моя магия теней, к примеру. Это куда меньшие по объему источники энергии: фейри могут ощущать лишь слабую тягу к определенному магическому потоку. В отличие от врожденной, резерв малой магии ограничен.

У меня тряслись руки, когда я попытался зачерпнуть глубже, чтобы захватить каждую каплю исцеляющей магии, еще оставшейся во мне. Мысленно визуализировав ее наконец

где-то в центре груди, я излил все остатки на Оникса.

Лис затрясся, но через пару секунд его учащенное дыхание стало выравниваться. Боль, исходившая от него, схлынула, осталась только слабая пульсация в одной лапе. Другие израненные лапы зажили. Трещина заросла… но не до конца. Мне все же немного не хватило на полное исцеление. Но и этого было достаточно. Дальше он справится сам.

Лис зевнул и забрыкался, вырываясь. Теперь его мех был снова чист, пятна крови исчезли. Когда он бросился к хозяйке, хромота казалась почти незаметной.

Сейрис наклонилась, чтобы подхватить его на руки; в ее глазах отразились изумление и облегчение.

– Но… как же это? – Она засмеялась, потому что лис запыхтел, обнюхивая ее шею, и лизнул в щеку. – Я и не знала, что ты умеешь лечить!

Я пожал плечами:

– Больше не умею. Теперь уже нет. Исцеляющей энергии у меня было совсем немного, и я всю отдал ему.

Радость Сейрис слегка померкла.

– Но… если ты владеешь исцеляющей магией, разве ее запас не может восстанавливаться? Как у Тэ-Лены?

Я печально качнул головой:

– Не все виды магии так работают, Оша.

Когда-нибудь я объясню ей подробнее. Она столько всего еще не знает об этом мире, о его обитателях и об их магии. Но это может подождать. Оникс теперь чувствовал себя го-

раздо лучше, а она перестала плакать. Сейчас это было главным.

– Значит, ты пожертвовал своей исцеляющей магией, чтобы помочь ему? – уточнила Сейрис.

Боги, до чего же она была прекрасна. Лунный свет серебрил ее кожу, и казалось, что от нее исходит сияние.

Я кивнул.

Она как будто не знала, что еще сказать. Зарылась лицом в мех Оникса, вдохнула его запах. Когда Сейрис снова подняла на меня глаза и наши взгляды встретились, она вскинула бровь:

– Почему? Почему ты принес такую жертву?

Раньше я бы оставил этот вопрос без ответа. Не смог бы ей солгать, поэтому держал бы рот на замке. Но теперь уже столько всего случилось, в наших отношениях произошли такие перемены, что правда прозвучала непроизвольно:

– А ты разве не знаешь? Я многим готов пожертвовать, чтобы сделать тебя счастливой, Оша. И капелька исцеляющей магии – самое малое из этого.

До Гиллетрая между нами царило напряжение, мы могли бы неделями ходить вокруг да около правды. Но теперь на кистях и запястьях Сейрис чернели Божественные узы. И вокруг моих рук они обвивались тоже. Отныне мы принадлежали друг другу, были связаны странным волнующим образом.

И об этом еще многое можно было сказать.

Бремя невысказанных слов повисло между нами… но женщина, в которую я так боялся влюбиться, просто кивнула, сдерживая улыбку:

– Понятно. А я-то думала, ты изменил свое мнение насчет Оникса.

Я тоже постарался сдержать улыбку. И не мог отвести от Сейрис глаз. Боги, она была охренительно прекрасна.

– Вот уж нет, – проворчал я. – Я все еще считаю, что из него получится отличная шапка.

1
«Адские клыки»

Сейрис

Платье было создано для греха.

Черное.

С открытыми плечами.

Полупрозрачное.

Разрез на боку начинался так высоко, что о нижнем белье можно было забыть. Ткань льнула ко мне, как вторая кожа, сверкала и переливалась, отражая свет, будто была соткана из звездного неба. Длинные перчатки из того же материала облегали предплечья, и казалось, что я обмакнула руки до локтей в чернила с блестками. У этого платья не было ничего общего с теми нарядами, которые подбирала для меня Эверлейн, когда я очутилась в Зимнем дворце. Оно было элегантным. Сногсшибательным. *Мучительно* сексуальным.

Я не узнавала женщину, отражавшуюся в ростовом зеркале гардеробной… Не узнавала не без причины. Та, что смотрела на меня, не была человеком. Вернее, была когда-то, но теперь уже нет. Теперь она стала наполовину фейри, наполовину вампиром – странным созданием, отмеченным богами.

Я все еще оставалась собой и вместе с тем уже не была такой, как прежде. У других бессмертие истончает плоть, делает их костлявыми. Но мне оно вернуло то, что забрал голод в Зильварене. Скулы больше не казались такими острыми, губы сделались полнее. Бедра, грудь и задница имелись и раньше, но теперь я могла сказать, что они у меня *реально* есть.

Каждый раз, когда я в течение последних сорока восьми часов бросала взгляд на свое отражение в зеркале, он цеплялся за острые кончики ушей, торчащие среди волн темных волос. Вот и сейчас тоже. Стоило мне их увидеть, реальность как будто бы искажалась, а потом снова выправлялась. В конце концов я сделалась в точности такой, какой меня нарисовала мать Фишера.

Это и была реальность.

Я стала фейри.

Я стала вампиром.

Тишину нарушило покашливание в другом конце комнаты.

– Если никто еще этого не сказал, тогда скажу я. Ты выглядишь охеренно, Сейрис Фейн, любой бы вдул.

Я обернулась, смущенно хмуря брови и уже готовясь к последствиям, которые повлечет этот комментарий.

Трое мужчин сейчас находились со мной в просторной гардеробной, и в каждом было столько тестостерона, что от него вибрировал воздух.

Последние лучи заходящего солнца горели огнем на серебристых волосах Таладаюса, стоявшего возле большого окна, и заливали его лицо жидким золотом. Теперь я могла ощущать его эмоции. Мы с ним были связаны, и меня это совсем не радовало. Иногда с наступлением сумерек я чувствовала, как он просыпается в другом конце дворца, и от его тоски у меня перехватывало дыхание. Сейчас мой создатель злился на второго мужчину, который развалился на кушетке с таким видом, будто был у себя дома.

– Ты спятил? – поинтересовался Таладаюс. – В мире не найдется другого идиота, который осмелится подкатывать к женщине, недавно связавшей себя брачными, и уж тем более Божественными узами. Да еще на глазах у ее супруга. *У него*! – Он указал подбородком на того, кто прислонился к стене около двери.

Я помедлила, прежде чем перевести взгляд на третьего мужчину.

Помедлила даже перед тем, как позволила себе мысленно произнести его имя.

Кингфишер.

Мой супруг.

Темные вьющиеся пряди падали Фишеру на лицо, завивались вокруг ушей. Волосы у него как будто немного отросли за последние пару дней. И сам он тоже казался больше – выше ростом, шире в плечах, внушительнее. Сегодня он был вооружен до зубов, надел доспехи, и на его шее поблес-

кивал извечный латный воротник. Язычки теней и черного мерцающего песка показались у Фишера между пальцами, завихрились вокруг запястий, заизвивались по ногам и соскользнули на ковер, как змеи, преследующие добычу. Змеи направились к кушетке. Доползли до нее, устремились вверх по ножкам, прямо к Кэрриону. Тут уж я издала вздох и скрестила руки на груди:

– *Фишер*…

Его застывший взгляд ожил при звуке моего голоса.

– М-м?

– Перестань.

Ноздри дрогнули, заиграли желваки.

– А что я могу сделать, если ему жить надоело?

Кэррион рывком поднялся, чуть не расплескав виски из бокала. Это была уже четвертая порция, но выглядел контрабандист, несмотря ни на что, как огурчик. Теперь-то все было ясно, и я уже не удивлялась, что в «Доме Калы» ему столько раз удавалось перепить остальных завсегдатаев. Фейри могут нажраться до отключки, если сами того пожелают, при этом им достаточно захотеть протрезветь, и в тот же миг они станут как стеклышко. Кэррион скрывал свое происхождение все то время, что я его знала. Чары, наложенные на него в детстве отцом Кингфишера, действовали всю жизнь, маскируя подлинную внешность. Высоким он, в общем-то, был всегда, но вот уши раньше казались округлыми, черты лица – менее резкими и точеными, а плечи – не такими широки-

ми. Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к *настоящему* Кэрриону. В процессе его столкновения с Малькольмом в лабиринте чары рассеялись, и он наконец обрел свой естественный, истинный облик.

– А я что могу сделать, если ты не горишь желанием выразить восхищение своей девушке? – парировал Кэррион, качнув бокалом в сторону Кингфишера.

О боги. Это точно плохо кончится.

Нити из теней и песка превратились в веревки. Они метнулись на кушетку, обвились вокруг запястий и шеи Кэррриона, опрокинули его обратно на смятую бархатную подушку. Виски отправился в полет. Фишер даже не подумал перехватить бокал, и тот ударился о ковер, отскочил и запрыгал дальше по полу, разбрызгивая содержимое повсюду на своем пути.

Не удовлетворившись атакой на Кэрриона с помощью магии, Фишер сжал кулаки и целенаправленно двинулся через гардеробную. В его прекрасных зеленых глазах отчетливо читалось желание убивать.

Я похолодела.

– Фишер!

К счастью, вмешался Таладаюс – он заступил путь моему супругу, прежде чем тот успел добраться до контрабандиста. Таладаюс и Фишер были одного роста. Оба широкоплечие. И одинаково грозные. Они во многом были похожи. Но если мой супруг – тьма во плоти и склонен к мрачным раздумьям,

то Таладаюс – свет, и нрав его чаще кажется легким, вопреки обстоятельствам. Наверное, их можно назвать антиподами. Ну или двумя сторонами одной монеты. Только валюты разные.

Вампир.

Фейри.

Мой создатель.

Мой супруг.

Вампир положил ладонь Кингфишеру на плечо, одарив его натянутой улыбкой:

– Вероятно, среди себе подобных я могу считаться просвещенным, Фишер. Но остальные, те, что соберутся здесь ночью, – он сделал паузу, вскинув бровь для пущего эффекта, – таковыми не являются. Пролей живую кровь, пусть даже здесь, в покоях Сейрис, и неприятностей не оберешься. Гарантировать вам безопасность в этом дворце – и так дело нелегкое.

Лицо Фишера ничего не выражало. Его как будто бы совсем не взволновало предупреждение Таладаюса. Он медленно покосился на ладонь вампира, лежавшую у него на плече, как будто в том месте, где она к нему прикасалась, могло вспыхнуть пламя.

– Ты мне ничего не *гарантируешь*. Я здесь не по чьей-либо милости. Я здесь потому, что моя истинная любовь здесь. Куда она, туда и я. И если кто-то из твоих собратьев решит меня атаковать… поверь, я только этого и жду. Целую веч-

ность ждал возможности оказаться в одном зале с толпой этих надменных мудаков.

Таладаюс стиснул челюсти и сделал глубокий вдох, прежде чем снова заговорить:

– А ты в курсе, что эти надменные мудаки способны учуять не только кровь?

Кингфишер сбросил ладонь Таладаюса, прорычав сквозь зубы:

– Я *не боюсь*, Тал.

– Страх в этом месте будет твоей погибелью, – процедил вампир. – Стоит тебе испугаться за нее хоть на секунду – они это поймут и ухватятся за шанс уничтожить вас, оспорить ее притязания на трон, изгнать…

– Ы-ы-ы! – Мычание раздалось со стороны кушетки позади них: тени Фишера все еще душили там Кэрриона. – Помо… гите!

– Боги и мученики, да перестаньте уже бодаться, вы все! Фишер, отпусти Кэрриона. Таладаюс… – Я издала отчаянный вздох. – Сколько у нас еще времени перед тем, как все начнется?

Одернув на себе великолепно сшитый черный камзол, Таладаюс вроде бы успокоился, но взгляд его поблескивавших глаз по-прежнему буравил Фишера.

– Солнце село. Князья уже собрались. Если сейчас не отправимся в зал, они объявят, что ты отказалась от своих притязаний.

– Они могут это сделать?

– Они бюрократы.

Кингфишер наконец отпустил Кэрриона из магического захвата.

– Они *монстры*, – уточнил он.

– Что есть, то есть, – согласился Таладаюс. – Поэтому у нас столько правил, и поэтому мы их так ревностно соблюдаем. Без правил двор превратился бы в кровавую баню. Традиции нужно чтить. Законы пятерых должны выполняться. Даже *королевами*. – Последнее слово он выделил голосом. – Только когда на ее голове окажется королевский венец, она получит право провести реформы. Реформы, которые пойдут на благо всей Ивелии.

Вот именно. В этом и была фишка.

Тогда, в лабиринте, я убила Малькольма не ради его короны. Я сделала это, спасая свою жизнь. А еще из мести. За моего супруга. Я не хотела быть королевой этого мерзкого двора. Будь моя воля, мы бы уже вернулись в Калиш и устроили пир, чтобы отпраздновать смерть короля вампиров. Но к чему бы это привело? К тому, что на трон в Аммонтрайете взошел бы кто-то из Князей, а Ивелия оказалась бы, возможно, еще в большей опасности, чем раньше.

За последние двое суток я освоила интенсивный курс вампирской внутренней политики. И если в библиотеке Зимнего дворца я в свое время пропустила половину лекций мимо ушей, то на этот раз слушала с предельным вниманием.

Пятеро высокородных вампиров правили Саназротом под началом монарха, в их числе был Таладаюс. Независимо от пола, все пятеро носили титул «Князь Полуночи», и перемен тут, похоже, в обозримом будущем не предвиделось. Остальных Князей я пока не встречала и, честно признаться, не горела желанием с ними познакомиться. Судя по тому, что мне о них рассказывали, это были отъявленные головорезы, жаждущие власти, и ради того, чтобы завладеть ею, любой из них сорвал бы с меня корону вместе с головой. Всех их, однако, сдерживал Закон возвышения. Прежде чем пытаться отобрать у меня трон, они обязаны были признать меня королевой. А если они признают мою власть, им придется мне подчиняться. По крайней мере, в первое время.

Это означало, что у меня будет окно возможностей. Шанс остановить войну, которая бушует много веков, положить конец убийствам. Предъявить свои права на вампирский престол – скорейший путь остановить бойню так, чтобы волны крови не накрыли эту землю от гор до моря.

Я не принадлежала этому миру. Я родилась не здесь. Ивелия не была моей родиной, но я понимала чужие страдания и сама смотрела в глаза неумолимой смерти, которая следует по пятам за слабыми и уязвимыми. Если сейчас в моих силах сделать то, что поможет закончить здесь кровопролитие, я это сделаю. По крайней мере, попытаюсь. Возможно, я выдавала желаемое за действительное, но во мне еще теплилась надежда на то, что подданных Кровавого двора можно

исправить.

– Я один это слышу? – Голос Кэрриона был хриплым после удушения, на которое он сам напросился. – Либо у меня кровь по-прежнему гудит в ушах, либо на нас надвигается орда.

Если не считать небольшого покраснения на шее, выглядел он как ни в чем не бывало. И даже не вздрогнул, когда Фишер прошел мимо него к двери, глухо стуча сапогами по ковру.

– Они зовут Сейрис, – сказал он безрадостно.

– Тогда нам пора. Нужно идти, – отозвался Таладаюс.

Но Фишер, не обратив внимания на слова моего создателя, отошел от двери и встал напротив меня. Его широкий торс заслонил от меня весь мир. Темные волосы, волевая линия челюсти и восхитительные чернильные узоры. Еще недавно я могла только мечтать о том, чтобы он оказался так близко. Мое глупое сердце нуждалось в нем больше, чем легкие – в кислороде… И теперь, когда он принадлежал мне, а я – ему, эта потребность только усилилась. Ради меня он спас Оникса. Ради меня рисковал собственной жизнью и, судя по выражению лица, сделал бы это еще раз не моргнув глазом. Татуировки на шее пришли в движение, когда он сглотнул и мышцы под кожей напряглись.

– Ты не обязана к ним выходить, – прошептал он. – Есть другой путь достичь наших целей.

«Она тут. Тут. Тут…»

Я намеренно игнорировала опять звучавшую в сознании многоголосицу, отказывалась обращать на нее внимание. Не здесь и не сейчас. Я слышала ртуть уже не в первый раз с тех пор, как очнулась в этом дворце после трансформации. И знала, что не в последний.

Вместо нее я сосредоточилась на супруге, протянула руку в перчатке и коснулась его щеки. Все бы отдала, чтобы почувствовать под ладонью шершавую щетину. Боги неумирающие! До сих пор не верилось, что я вообще могу к нему прикасаться вот так просто. И главное – что он *мой*.

– Другой путь будет залит кровью, там ждут смерть и огонь, – тихо отозвалась я. Эти слова предназначались только ему. Остальные, конечно, их тоже слышали, но вежливо притворились, что нет.

Фишер потянулся к моей ладони и на миг закрыл глаза.

– Я считаю, что пролить кровь этих ублюдков было бы правильно, – шепнул он.

– Согласна. Но как же потери, которые понесем мы сами? Как же наши друзья? А жители Калиша? Они не смогут вернуться домой, если Саназрот по-прежнему будет грозить им с другого берега реки.

Тут я попала в точку. Кингфишер любил свой народ. Ему не нравилось, что фейри пришлось покинуть Калиш, когда Малькольм запер его в своем проклятом лабиринте. И если Фишер хочет, чтобы жители его земель вернулись, им нужно обеспечить безопасность на этих землях. Фишер напряжен-

но вздохнул:

– Хорошо. Но как только ты решишь, что больше не хочешь здесь оставаться…

– Я сразу скажу тебе, обещаю.

Он опустил голову, прервав зрительный контакт между нами, отвернулся, подошел к зеркалу и взял с туалетного столика меч, который я положила туда, перед тем как переодеться. Утешитель – древний клинок, один из нескольких оставшихся богов мечей, которые тысячи лет назад служили проводниками магической энергии. Этот меч принадлежал отцу Фишера. Этот меч когда-то на долгие века обездвижил ртуть. Этот меч я достала из застывшего портала, чтобы защитить себя, и тем самым невольно снова открыла проходы между мирами.

Теперь Утешитель был связан со мной. Боги мечей хранят верность своим владельцам. Он сжег бы Фишеру руки, если бы тот не накинул на клинок лоскут шелка, перед тем как за него взяться. Фишер почтительно поднял меч и протянул его мне.

– Ты что, серьезно? Это же *совершенно* испортит ее наряд! – возмутился Кэррион.

– Он прав. – Таладаюс уже стоял у выхода, нервно держась за дверную ручку. – Сейрис не может выйти к ним с Утешителем на бедре. Она должна выглядеть по-королевски. А не так, будто боится за свою безопасность.

Взгляд, которым Кингфишер прошелся по вампиру и по

контрабандисту, недвусмысленно показывал, что он считает обоих идиотами.

– Мне плевать, как она будет *выглядеть*. Для меня важно, чтобы у нее была возможность защитить себя.

– Тогда дай ей другое оружие. Что-нибудь поменьше. То, что можно спрятать. И заклинаю вас всеми богами, поторопитесь.

БУМ!

БУМ!

БУМ!

Звук становился громче, напористее, нетерпеливее. Фишер еще немного поколебался, потом со вздохом положил меч на стул.

– Ладно. Хорошо. – Запустив проворные пальцы в мешочек на поясе, он достал оттуда длинную и тонкую серебряную цепочку. Обернул ее вокруг моей талии и завязал на боку так, что оба конца цепочки свесились до колена.

– Ей не нужна удавка, – запротестовал Таладаюс.

– Это не удавка. Это поясок, – любезно объяснил ему Фишер. У меня в голове он сказал: *«Это удавка»*.

Я постаралась не засмеяться.

Из ножен на поясе он достал один из своих кинжалов и опустился передо мной на колено. Поднял глаза, в которых отражались мириады эмоций, пока он медленно… осторожно… отводил край разреза на платье, чтобы обнажить мое бедро.

Таладаюс всплеснул руками:

– На это нет времени!

– О, ну не знаю. Мне кажется, можно выделить минуточку, – не согласился Кэррион.

Я видела, что Фишера это взбесило, но он не сказал ни слова. Его пальцы, скользившие по моему бедру, оставляли за собой огненный след. Другой рукой он приложил к моей коже кинжал. Магия, забурлившая под ее поверхностью, подсказала мне, что, так же как и цепочка, которую он обернул вокруг моей талии, это оружие выковано из чистого серебра, но оно не обожгло меня, как могло бы обжечь Таладаюса или других вампиров. Мы уже сделали это открытие: я была неуязвима к воздействию серебра и железа. Возможно, из-за своей двойственной природы, ведь я не была ни вампиром, ни фейри на сто процентов. А может, потому, что я прежде всего осталась алхимиком и сохранила сродство с металлами. Так или иначе, я была благодарна за такое полезное свойство.

Фишер держал кинжал без ножен, но они и не были нужны. Перья черного дыма заскользили по моей коже. Они были холодными и теплыми, и кожа покрылась мурашками, когда я ощутила покалывание от его энергии. В Аммонтрайете он не мог использовать всю свою магию – открыть теневой портал, к примеру, не получалось. И уж точно ему не удалось бы применить боевую магию, чтобы нанести ущерб подданным Кровавого двора на их же территории. Но на то, что он

собирался сделать сейчас, магии хватило. В один миг искусно сплетенная сетка из теней и сверкающего черного песка охватила мою ногу, закрепив на ней кинжал. Это было похоже на прекрасное кружево, изящное и тонкое, как паутинка, на которой искрятся капли росы. Руки Фишера задержались на моем бедре – сильные, загрубелые, и…

Он резко втянул воздух, тряхнул головой и выпрямился. Когда он взглянул на меня сверху вниз, его зрачки были расширены.

– Если кто-нибудь из них косо на тебя посмотрит, воткни это острием ему в грудь.

– Я знаю, как обращаться с кинжалом, Фишер.

Большинство влюбленных флиртуют, строя друг другу глазки или делая комплименты. Мы флиртовали, обсуждая, как лучше убивать врагов. В уголках моих губ болезненно ныла улыбка, просясь наружу…

БУМ!

БУМ, БУМ, БУМ!

Фишер протянул мне руку:

– Идем.

– Постой. Я…

Боги. Я столько хотела ему сказать, но уже несколько ночей нам не удавалось побыть наедине ни минутки. В этом дворце ему грозила опасность. Я же, благодаря древним традициям Кровавого двора и прежде всего Закону возвышения, могла чувствовать себя относительно спокойно. Но ведь

не Фишер убил Малькольма. Правила Кровавого двора не требовали допустить его к трону безо всяких препятствий. И он был заклятым врагом королевства Саназрот. В стенах Аммонтрайета жили тысячи высокородных вампиров, все – дети Малькольма, и каждый из них люто ненавидел моего супруга. Если он сам вдруг косо посмотрит не на того придворного – жди беды. Я хотела напомнить ему об этом, но он и так все понимал, а мы уже опаздывали.

– Не мог бы ты… Слушай, не мог бы ты вести себя там потише? – шепнула я чуть слышно.

Он озадаченно взглянул на меня, и на его правой щеке едва заметно обозначилась ямочка.

– Конечно, мог бы. Но не обещаю, что буду.

Когда мы покинули гардеробную комнату и прошли мимо Таладаюса, тот посоветовал:

– Нимерель тоже лучше оставить здесь. Если выйдешь к ним с мечом, они воспримут это как проявление агрессии.

– Правильно сделают. – Лицо моего супруга потемнело, предвещая насилие. – Так и есть.

– Офигеть. – Кэррион тихо присвистнул сквозь зубы. – А на подходе это местечко напоминало тюрягу. Кто бы мог

подумать, что внутри такая роскошь прячется!

Местечко называлось Зал слез.

Резные лица – гротескные, искаженные гримасами – смотрели на нас с обсидиановых колонн, которые подпирали сводчатый потолок. Факелы на стенах горели зловещим приглушенным «вечерним светом», так непохожим на обычный огонь, разбрасывали странные зеленовато-белые отблески. Золотистые шторы скрывали огромные окна в дальнем конце зала – тяжелая парча была расшита сценами разврата и всевозможных грешных услад. Вампиров здесь собралось не счесть – мужчины и женщины в прекрасных платьях и камзолах выстроились рядами слева и справа от центрального прохода. Это были не фидеры. В их глазах светился острый ум, когда они устремляли на меня голодные взгляды.

В центре, на возвышении, стоял величественный трон из черного камня. Перед ним находилась широкая платформа из полированного обсидиана, украшенная мозаикой из бледных камней, которые складывались в пятиконечную звезду. Князья Полуночи в пышных нарядах уже ждали, стоя на четырех лучах звезды лицом к ее центру. Оставшийся луч пустовал… пока Таладаюс не занял свое место среди собратьев, прошествовав по длинному проходу.

В руках моего создателя откуда-то появился лакированный посох, такой же, как у остальных Князей, и этим посохом он ударил в платформу у своих ног, внеся вклад в оглушительное «БУМ! БУМ! БУМ!», гремевшее в зале. Этот

звук становился все громче, громом гудел в ушах.

А потом внезапно звук оборвался.

Пятеро обратили лица ко мне, четыре из них окаменели, когда их обладатели увидели, что я не одна стою у подножия широкой лестницы, ведущей к ним.

Двое Князей были мужчинами.

Двое – женщинами.

Пятый являл собой нечто совершенно иное.

Одним из мужчин был Таладаюс, разумеется. Рядом с ним стоял долговязый вампир, стройный и темноволосый, с крючковатым носом и черными, как угли, глазами. Существо напротив него было еще выше ростом; с длинными конечностями, бледное, странное, оно определенно не принадлежало к роду фейри. На нем были безупречно белые длинные одежды. Непроницаемо черные, без белков, круглые глаза, полупрозрачная кожа, неестественно широкая щель вместо рта, усеянная тонкими заостренными зубами. Черные вены разбегались паутиной на тыльных сторонах чересчур широких перепончатых кистей.

Женщины производили не настолько странное впечатление. Первая была в ярко-зеленом платье. Ее светлые, цвета кованого золота, волосы, заплетенные в косы, свисали вдоль спины тугими канатами. Мой брат влюбился бы в нее с первого взгляда. Она относилась к тому типу изящных красоток, от которых одни неприятности, – он таких не пропускал. Впрочем, в этом случае у него не было бы шансов. В

бездонной синеве ее глаз горела такая ненависть, что сразу захотелось потянуться к кинжалу, закрепленному Кингфишером у меня на бедре. Я поежилась и переключила внимание на вторую женщину, с облегчением прервав зрительный контакт с первой. Последняя из Князей Полуночи оказалась миниатюрным созданием. Густые седые волосы падали ей на лицо, скрывая черты, но по голым предплечьям, хрупким запястьям и шишковатым кистям было ясно, что она очень старая.

– Что за безумие?! – воскликнула светловолосая вампирша.

Едва она открыла рот, в зале стихли все разговоры. Князь не повысила голоса, но ее слова эхом отразились от стен и заметались между стропилами свода. Подняв посох, она нацелила его на меня, так что я смогла рассмотреть навершие – золотую голову шипящей змеи.

– Это дитя не могло убить моего отца, – заявила вампирша. – Всемогущий Малькольм правил целым континентом, а другой континент он обратил в пепел. Малькольм низвергал королей, овладевал королевами и обманул саму смерть, так что все мы смогли последовать по его стопам. И Малькольма погубила *она*? Ну вряд ли.

Я ощущала тепло, исходившее от Фишера, как будто он ободряюще положил ладонь мне на спину. Слева, на окраине бокового зрения, маячил Кэррион. Не глядя на них, я выпятила подбородок, вскинула голову и начала долгое восхож-

дение по ступеням к вампирам Саназрота.

– Вашего отца погубила его собственная спесь. Он был слишком самонадеянным. Считал себя непобедимым, а я имела удовольствие доказать ему обратное. Бог мечей способен обратить в прах любого из нас – неважно, в чьих руках он будет. И тем не менее я не дитя, – объявила я четко и ясно. – Мое имя Сейрис Фейн, и я – ваша королева.

2
Зал слез

Сейрис

– Она не одна из нас. Как может она быть нашей королевой, если я отсюда слышу, что у нее бьется сердце?

Трон был холодный как лед. Подушка на сиденье отсутствовала, и от низкой температуры твердого камня стыли спина и задница. Я неловко ерзала на троне, пока прекрасная вампирша с золотистыми косами продолжала орать на весь зал:

– Пусть наш двор – самый молодой из всех, но Саназрот всегда гордился своими традициями! Тысячу лет нами правил *первый* вампир. Блистательный муж, упорным трудом создавший дом и будущее для своих детей и даровавший всем нам право быть его частью. Он стал для нас не просто королем. Он был богом во плоти среди живых и мертвых, а эта… эта *девица* каких-то пару дней назад была человеком, настолько слабым, что одному из нас, – она с нескрываемой злобой взглянула в сторону Таладаюса, – пришлось спасать ей жизнь. Можем ли мы заменить создателя всего нашего рода *этим*?

Блондинка была превосходной актрисой. Произнося пылкую речь, она обходила звезду, огибая каждого из Князей Полуночи. Большинство присутствовавших наверняка обманула дрожь в ее голосе, когда она говорила о Малькольме, но я слышала фальшь.

Ее сердце не было разбито, потому что сердце у нее отсутствовало. Я чувствовала исходившую от нее губительную энергию так же отчетливо, как зной от двух солнц над Третьим сектором. Если у нее и была когда-то душа, она давно покинула эту телесную оболочку. Теперь там, внутри, засело что-то темное и жестокое, оно смотрело на мир через эти огромные красивые глаза, и оно говорило этим голосом.

– Найдется ли двор, который согласится возвести на престол курицу или ягненка в маскарадном костюме и подчиниться их власти? – выкрикнула она.

По залу приливной волной гнева прокатились возмущенные возгласы. Некоторые вампиры, сидевшие на скамьях, повскакивали и заорали, перекрывая общий гомон:

– Нет!

– Ни за что!

– Извращение!

– Анафема!

– Тогда почему мы должны короновать низшее существо, которое еще несколько дней назад могло бы стать нашей пищей? Почему мы должны дать ему право властвовать над нами? Зачем нам самим ставить себя в такое положение, ко-

гда…

«Это Зовена, – сказал Кингфишер. Его глубокий голос, раздавшийся вдруг в моей голове, застал меня врасплох. Я чудом не выдала удивление. – *Впрочем, я уверен, что ты и сама уже догадалась. Тал называл тебе их имена»*.

«Да, – отозвалась я мысленно. – *Она Хранитель посланий»*. И почувствовала одобрение Фишера где-то на задворках сознания.

«Верно, – продолжил он. – *Видишь перстень у нее на пальце? Толстое золотое кольцо с пурпурным камнем? Это символ Князя. Такие есть у всех пятерых – источники силы, подаренные им Малькольмом. Предполагается, что у перстней одинаковый ресурс магии, но ходят слухи, что у Тала самый мощный. Зовена родилась в Лиссии, так же как и Тал. Когда-то он ее любил. И думаю, она отвечала ему взаимностью. Но это было очень, очень давно»*.

Я заметила, как пристально Зовена смотрит на моего создателя, и не обнаружила в ее глазах ни любви, ни даже искорки симпатии.

– Ты должен был дать ей умереть, Таладаюс! – выпалила она. – И перерезать глотку Погибели, пока была такая возможность. Но нет! Мы все знаем, как тебе дорог Кингфишер с Аджунского перевала, ведь правда? А теперь ты притащил их обоих сюда, двух голубков, и пытаешься навязать нам не только малолетнюю полукровку в королевы, но вместе с ней и могущественного фейри в короли-консорты, чтобы он пра-

вил нами рука об руку с ней! И не какого-нибудь там фейри, а того, кто веками истреблял наш род всеми способами! Ты что, забыл, что мы ведем с ним войну?

Я ждала, что Кингфишер что-нибудь скажет, но слова Зовены остались без ответа. Взглянув на супруга, стоявшего справа от меня, я увидела, что он зевает.

«Не думаешь, что сейчас она слегка перегнула палку?» – спросила я мысленно.

Он слегка прищурил левый глаз.

«Да нет, в общем-то. Мы с Зовеной никогда не были лучшими друзьями. Я все это слышал и раньше».

Стройный вампир с крючковатым носом выступил вперед с кончика своего луча звезды, его брови сошлись на переносице. На вид ему было лет тридцать, но об истинном возрасте оставалось только гадать.

– Довольно, Зовена. Хватит истерить, это ничего не изменит. Таладаюс спас девушку, и теперь она наша по крови. Она убила Малькольма – стало быть, должна взойти на престол. Таков наш закон. И все мы это знаем. Истерика делу не поможет.

– Я не истерю! – рявкнула Зовена. – Нам нанесено оскорбление! Всем нашим братьям и сестрам! – Она обвела рукой членов саназротского двора, сидевших на скамьях, ряды которых уходили во тьму, и вампиры загомонили в ответ, купившись на ее риторику. – Они заслуживают лучшего. Твердой руки. Королевы, которая…

– О, так ты все-таки видишь на троне королеву? Женщину вроде тебя, возможно? – поинтересовался вампир с крючковатым носом.

Пока они пререкались, я снова обратилась к Фишеру:

«А это Эрет, я полагаю? Хранитель „вечернего света“?»

Фишер отозвался сразу же:

«Да. Он и его последователи – религиозные фанатики. Они поклоняются богам-демонам. Если Эрет доберется до власти, все обитатели Ивелии лишатся своей магии и станут рабами. Все континенты превратятся в пустоши – рай для вампиров, где они станут охотиться на уцелевших и убивать их ради забавы».

«Звучит восхитительно», – сказала я.

«Пятого Князя зовут Хазракс. Оно единственное в своем роде и вдвое старше любого живого существа в Ивелии».

Таладаюс о Хазраксе высказался довольно неопределенно. Хазракс не было ни фейри, ни вампиром. Оно явилось к Малькольму много сотен лет назад, когда вампирский король только строил свою империю, и предложило свои услуги. На вопрос Малькольма, желает ли оно получить взамен вечную жизнь, Хазракс пообещало уничтожить его, если он попытается его укусить, и Малькольм поверил на слово. Когда же король вампиров спросил, что оно хочет в качестве платы за службу Саназроту, Хазракс ответило, что хочет «наблюдать». С того дня оно стало Хранителем тишины.

Вчера я спросила Таладаюса, почему король вампиров

оставил это существо при дворе, если не сомневался, что оно способно его уничтожить. Таладаюс пожал плечами: «Магия Хазракса окутана тайной. Здесь никто не знает, на что оно способно на самом деле… но какую бы магию или силу оно ни показало Малькольму, тот перепугался настолько, что предпочел позволить ему остаться».

«Мы знаем, что Хазракс пришло в Аммонтрайет много лет назад, – сказал Кингфишер у меня в голове. *– И не слышали, чтобы оно с тех пор отсюда хоть раз выходило. Говорят, оно даже этот зал не покидает. И что оно не ест и не спит. Только наблюдает».*

Сам облик Хазракса был настолько пугающим, что думать о том, как ему удается существовать в замкнутом пространстве, и о его постоянном тревожащем присутствии не хотелось. Кингфишер, словно почувствовав, что мне сделалось неуютно, продолжил:

«Старуху зовут Альгат, она Хранитель архивов. Когда-то была ведьмой, но ее изгнали из клана за то, что занималась темными магиями. Она выглядит как самая старшая из Князей, но на самом деле моложе их всех. Пару раз я имел с ней дело до того, как она стала вампиром. В ее венах течет чистое зло, Оша. Тебе не стоит ее недооценивать».

Пока он говорил, шея старой женщины неестественно вывернулась и голова повернулась к Кингфишеру, как будто она услышала наш разговор. Лицо ее я по-прежнему не могла разглядеть за свисающими седыми космами, но теперь ви-

дела гнусную ухмылку, которая обнажила гнилые желтые зубы, длинные, как у крысы. Клыки были такие здоровенные, что царапали нижнюю губу, и по подбородку стекали ручейки крови.

Взгляд ее мутных глаз встретился с моим, и…

Я снова была в Третьем секторе.

Ругалась с Хейденом.

Во дворце Мадры опять отчаянно пыталась высвободить руки из пут, пока Харрон шел меня убивать.

Я была в безопасности в Балларде, в кровати Кингфишера, в его объятиях.

Он был во мне, и моя душа горела огнем, и…

– Как думаешь, тут можно курить?

Я чуть не подпрыгнула, когда раздался голос Кэрриона.

Все это время я смотрела на старуху. А она – на меня. Как долго я?..

В голове возникло странное леденящее ощущение – как будто кто-то рылся у меня в памяти. Я покосилась на Фишера, но он со скучающим видом глядел в потолок и явно не подозревал о том, что сейчас произошло. Когда же я повернулась к Кэрриону, чтобы попросить его повторить вопрос, оказалось, что этот дурень сунул в зубы сигариллу и шарит по карманам в поисках огнива.

– Пять преисподних! Ты что творишь? – прошипела я. – Не смей зажигать.

Фишер зарычал, заметив наконец, что собирается сделать

законный наследник Зимнего двора. Шагнув к нему за троном, Фишер выдернул сигариллу у него изо рта и швырнул на пол.

– Мы вас не отвлекаем, ваше величество? – Голос рассек воздух, как удар хлыста. Эрет стоял в центре звезды, и капюшон его плаща сбился на одно плечо, будто вампир резко обернулся к нам.

Зовена застыла неподвижным изваянием, как и остальные Князья, но я могла бы поклясться, что внутри у нее все клокочет от ярости.

Когда-то я была не единственной ученицей в самой известной стеклодувной мастерской Третьего сектора. Элрой однажды увидел, как мы с другим подмастерьем шепчемся, и рассердился, что я не уделяю должного внимания его вдохновенному рассказу о способах закалки стекла. Происходящее сейчас очень напоминало тот случай: меня собирались отчитать как ребенка, который плохо себя ведет. Это никуда не годилось. Князья должны стоять передо мной на коленях, а не делать мне замечания. Надо было срочно брать контроль над ситуацией в свои руки. Моим первым порывом было извиниться, но королевы *не извиняются*.

Я задрала подбородок и смерила Эрета ледяным взглядом, остудив вскипавшую в жилах кровь.

– Да, Эрет. Раз уж ты все-таки додумался об этом спросить, отвечу, что у меня есть дела поважнее, чем слушать, как вы по-детски цапаетесь между собой. Мне сказали, здесь

будет коронация, так что давайте уже перейдем к делу.

В Зале слез воцарилась напряженная тишина. Только теперь, когда все вампиры замолчали, я поняла, почему это место носит такое название: неподалеку во тьме кто-то плакал. Скорбные стенания эхом витали между колоннами и резонировали в нишах. Звуки, лишенные всякой надежды. По позвоночнику пробежала дрожь, когда я услышала еще один голос, присоединившийся в рыданиях к первому, а потом еще и еще. Где-то там, позади толпы и странного зеленовато-белого сияния факелов, страдали живые существа.

– Приношу свои извинения, ваше величество. – Эрет низко поклонился, прижав бледную руку к груди. Затем он поднял голову, взглянул на меня из-под темных бровей, и я увидела в его глазах насмешку. – Вы *абсолютно* правы. Как глупо с моей стороны. Ночь проходит впустую, а нам еще столько предстоит совершить.

– Девушка должна вкусить крови перед коронацией. – Это произнесла Альгат. Ее надтреснутый голос напомнил мне беспощадный ветер пустыни – такой же сухой и грозный, он завывал над дюнами и терзал Серебряный город. – Как она может править этим королевством, если не привязана к крови?

Таладаюс предупредил, что в течение всего мероприятия постарается держать язык за зубами, насколько это будет возможно. Он был фаворитом Малькольма, его Хранителем тайн, а это означало, что остальные Князья терпеть не могли

моего создателя. Он боялся сказать или сделать что-нибудь такое, что настроит их против меня, но после слов Альгат немедленно выступил вперед.

– Она не обязана пить кровь, – сказал Таладаюс. – Нет ни правила, ни закона, которые это предписывали бы.

– Закона и правила, может, и нет. Но как насчет здравого смысла? – вкрадчиво поинтересовалась старуха. – Сам подумай, Таладаюс. Она же девственна…

– Что, простите?! – не сдержалась я; возмущенный возглас вырвался у меня против воли. – Уверяю вас, это не так.

Альгат посмотрела на меня с жалостью:

– Я не о твоем теле, деточка. – Ее голова опять дернулась в сторону Фишера с такой скоростью и под таким углом, что меня затошнило. – Мы чувствуем запах секса от вас обоих, от тебя и от твоего мужчины, вполне отчетливо, можешь не сомневаться. Я говорю о девственности крови. Ты еще ни разу не вкушала от живого источника…

– Она и сама еще принадлежит к числу живых, – с отвращением в голосе перебила ее Зовена. – Я уже говорила об этом, и никто не пожелал поддержать тему. Как, скажите на милость, живая может вкушать от живых? И опять же, как она тогда сможет править… – Вампирша резко замолчала, вытаращив на меня глаза.

Потому что я встала на ноги.

И мое сердце перестало биться.

Много времени на то, чтобы освоить этот трюк, не пона-

добилось. Таладаюс знал, чем его коллеги будут недовольны, и научил меня, как парализовать мышцу, которая сокращается в груди. Оказалось, все довольно просто. Мне надо было всего лишь представить себе, как сердце останавливается, замирает на время. Именно это я и сделала.

Мышца перестала качать кровь. Во мне все застыло. Никогда не думала, что можно слышать шум движущейся по венам крови, если сосредоточиться, но у меня это получалось. А теперь он смолк. Мой внутренний мир замер. Это было как дышать под водой, то есть предположительно невозможно.

– Значит, она способна становиться похожей на нас по своему выбору, – пробормотала Зовена. – Но это все равно не делает ее одной из нас.

– Кровь сделает ее таковой, – с нажимом проговорила Альгат, явно недовольная тем, как я ответила на ее вызов. – Весь двор знает, что ты ни разу не приобщилась к крови с тех пор, как очнулась после Полуночного Поцелуя, дитя. Выпей от кого-нибудь, и все будет как должно. Мы возложим тебе на голову венец, а потом будем пить вино до зари, чествуя тебя как нашу королеву. Если вкусишь крови.

– А если нет? – спросила я.

Таладаюс двинулся ко мне по платформе:

– Сейрис…

– Слышали его? – презрительно усмехнулась Зовена. – «Сейрис»! Он зовет ее по имени! А почему бы нет? Он ее создал. Она перед ним в долгу. И теперь Таладаюс навязывает

ее нам как свою марионетку, которой он будет руководить, оставаясь в тени. Если согласитесь, именно это и получите на свою голову. Вы коронуете марионетку и должны понимать, кому *на самом деле* отдаете власть, перед кем склоняетесь и лебезите, когда будете клясться ей в верности.

В Зильварен порой заглядывали труппы бродячих актеров, так вот они насмерть передрались бы за право заполучить к себе Зовену на главные роли. Эта тетка реально начинала меня раздражать. К счастью, на Таладаюса ее драматический талант вроде бы не подействовал.

– Ты не обязана делать то, что они требуют, Сейрис, – сказал он. – Нет такого закона.

– Закона нет, потому что раньше в нем не возникало необходимости, – прошипела Зовена. – Править вампирским двором должен *вампир*. Питаться кровью живых должно быть для нашего властелина величайшим из возможных наслаждений. Он должен проявлять свою природу естественным образом, без всяких уговоров.

Таладаюс, два дня готовивший меня к коронации, такого поворота не предвидел. А наверное, стоило бы. Неудивительно, что монстры решили потребовать гарантии. Я была чужаком, вторгшимся в их цитадель, к тому же наполовину фейри. Вполне естественно, вампиры относились ко мне настороженно. Фиг знает, как они догадались, что я еще не пила крови, но так оно и было. Я не хотела крови. Не испытывала в ней потребности.

– Мои сестры правы, ваше величество, – вмешался Эрет. – Если вы согласитесь принять от нас дар по случаю коронации, это умерит наши тревоги. Возможно, глоточек от какой-нибудь прекрасной юной девы? – Черные колодцы глаз обратились на Кингфишера. – Или, быть может, для нашей задачки есть более простое решение?

– Нет, – отрезала я. – Если правила того не требуют, я не собираюсь участвовать в вашем балагане.

Посреди всего этого Хазракс поводило головой слева направо, наблюдая за сценой, которая разыгрывалась перед ним. Оно молчало, трепетали на шее странные жабры. Скрестив ладони под рукавами белоснежного одеяния, это существо наблюдало, подмечая каждую деталь, и не произносило ни слова. Потом оно шевельнулось, обратив внимание на меня… и на моего супруга. Кингфишер шагнул вперед, повернувшись спиной к собравшимся – вопиющее проявление неуважения. Но я знала Фишера – ему плевать было на весь саназротский двор. Он просто хотел заглянуть мне в глаза.

– Сделай это, Оша.

– Что?

– Укуси меня. Выпей крови. Пара глотков – и готово. Они затеяли это, чтобы тебя уязвить, поскольку думают, ты откажешься. А хрен им. Ничего сложного. Сейчас все сделаем и разойдемся. – У меня в голове он добавил: *«Мы можем вернуться в Калиш. К Рэну, Лорретту и Лейн»*.

– В его словах есть резон, – сказал Кэррион.

– Тебя здесь вообще быть не должно, Свифт, – сердито проворчал Фишер. – Держи свое мнение при себе.

Глаза тысячи вампиров обратились на меня, когда я выглянула из-за Фишера и окинула взором собравшихся. Что они сделают, если я все-таки откажусь? В жилах многих из них перед смертью текла магия. Она испортилась и стала черной вместе с кровью. Некоторые из них обладают большим могуществом. И единственное, что мешает им немедленно нас растерзать, – это Закон возвышения и указ Таладаюса. Но законы всегда нарушаются, а Зал слез – последнее место, где я бы хотела умереть.

Боги.

Я сделала глубокий вдох.

– Ладно. Я выпью твоей крови, – шепнула я.

Эрет вне себя от радости хлопнул в ладоши:

– Чудесно! – Выходит, он меня услышал. – Чудесно, чудесно!

Фишер издал недовольное рычание, но его взгляд, устремленный на меня, не дрогнул. Он начал расстегивать кожаные ремешки на правом наруче, снимая эту часть доспеха.

– Игнорируй их. Не обращай внимания. Здесь только ты и я, поняла?

Я возблагодарила богов, звезды и все четыре ветра за то, что в кои-то веки Кэррион Свифт удержал рот на замке. Если бы он в этот момент ехидно напомнил о себе, третьем, который тоже вроде как здесь, наверняка лишился бы перед-

них зубов.

Я сосредоточилась на своем супруге, твердо решив не облажаться. У нас всего одна попытка. Единственный шанс изменить расклад сил в этой войне. Если такова наша роль – пусть. Я не дрогну. Но, боги, как же это будет трудно. *«Я не так себе это представляла»*, – мысленно сказала я Фишеру.

Сняв наруч, он снова заглянул мне в глаза, пристально, с напряжением. Затем коварная улыбка медленно тронула уголки его губ: *«Да ну? Значит, ты себе это как-то представляла, Оша?»*

Кровь пожаром полыхнула в моих венах. От намека в его голосе, прозвучавшем в моей голове, покраснели бы и девицы, работавшие в «Доме Калы». *«Нет»*. Но отпираться было поздно. Мои щеки вспыхнули румянцем, а Фишер уже хихикал себе под нос, закатывая рукав.

«Можешь разделить свои фантазии со мной, Оша. Ни в этом мире, ни в иных мирах нет ничего, что я не дал бы тебе, только пожелай. Достаточно просто попросить».

Не время было для этого. И уж точно не место.

Но… боги неумирающие!

«Дыши, Сейрис».

– Только посмотрите на нее. Стоит вся такая. Время тянет, – проворчала Зовена с платформы.

Я хотела опять выглянуть из-за Фишера, чувствуя, как внутри все скручивается от нервного напряжения, но он ласково взял меня за подбородок и заставил смотреть ему в ли-

цо. Чернильные узоры у него на шее взбесились – я видела, как черные линии извиваются над латным воротником. В его глазу теперь почти не было ртути, но то малое количество, что осталось, тоже пришло в движение, заколыхалось, складываясь в геометрические орнаменты на ярко-зеленой радужке.

– Не смотри на нее. Смотри на меня. С тобой все в порядке.

Со мной все было в порядке.

Когда Фишер, отпустив мой подбородок, отвел руку, а затем поднес к моим губам запястье, я ни о чем не думала. Сработал инстинкт. Тепло, которое давно ощущалось где-то в глубине гортани, теперь разбушевалось огненным адом. Пульсация наслаждения в горле стала почти болезненной. Я схватила руку Фишера и впилась клыками в его плоть.

Глубоко.

Очень глубоко.

Это не входило в мои намерения…

Я замерла, не понимая, откуда взялось неодолимое желание подождать…

– Пей, Сейрис, – с трудом выдохнул Фишер.

Нет.

Нет, надо подождать.

– Заклинаю всеми богами, пей уже, на хрен! – взмолился он.

В те долгие безрассудные мгновения я еще не понимала,

что ничего не забираю у него, а, наоборот, отдаю.

Чернильные узоры заструились по руке Фишера, как вода. Они обвили запястье и исчезли – перетекли в меня. Возникло холодное покалывание, когда чернила нашли место у меня на груди, под ключицами, но мне не было дела до новой татуировки.

Меня заботил только мой супруг.

И *кровь*.

Когда я впервые вкусила от Фишера, приникнув к его запястью, сразу почувствовала, что между нами что-то изменилось. Произошел какой-то сдвиг. В голове тысячей фейерверков полыхнули вспышки цвета и звука. Огонь пронесся по моим венам. Желание вспыхнуло между ног, разогнав по всему телу волны наслаждения, такие мощные, что хотелось заорать. Но я не могла. Чтобы это сделать, нужно было от него оторваться, а я…

– Проклятие, Сейрис! – На выдохе. Едва слышно. Отчаянно. Голос Фишера был пронизан желанием. Его следующие слова противоречили всему, о чем кричало мое тело. – Остановись, Оша. Хватит.

И вдруг мы снова оказались в Зале слез.

Я оторвала губы от его запястья, задыхаясь, как будто меня окатили ушатом ледяной воды.

Зал слез…

Тысячи саназротцев, вскочив на ноги, выражали одобрение моей жажде…

Пульс у меня зашкаливал, сердце не слушалось, отказывалось успокоиться.

Я смотрела на Кингфишера, приоткрыв рот, и новая волна жара и желания прокатилась по мне от макушки до пят, когда я увидела, как горят его щеки под щетиной. Зрачки у него расширились так, что радужки почти исчезли, так, что чернота затопила и зелень, и ртуть. Его грудь быстро вздымалась и опадала от тяжелого дыхания. Он искоса смотрел на меня, и я видела в его глазах первобытный голод, почти физическое его воплощение. Он едва сохранял контроль над собой. Если бы я прикоснулась к нему…

– Даже не думай об этом, или я возьму тебя прямо здесь, – проговорил он, задыхаясь.

Досточтимые.

Сука.

Боги.

– Отлично! Отлично! – Эрет снова стоял на своем луче звезды. Его аплодисменты эхом разнеслись над одобрительно гудящим залом.

Я не обратила внимания на Хранителя «вечернего света». Я не могла отвести взгляд от Фишера. А он не мог отвести взгляд от меня. Мы с моим супругом смотрели друг на друга, тяжело дыша, и наши тела вибрировали, как две натянутые тетивы. Чувство, охватившее меня, не было похоже ни на что из того, что я испытывала раньше. Это было больше, чем желание. Чтобы описать его, не придумано слов.

Мы не спали вместе с тех пор, как я очнулась в Аммонтрайете. Я плохо себя чувствовала после трансформации и ран, полученных в лабиринте Гиллетрая. Но сейчас…

Сейчас.

Сука, я хочу его прямо *сейчас*.

– Свершилось! Она вкусила! – Эрет повернулся к зрителям, вскинув обе руки вверх, как прорицающий мессия. – Она связана кровью, повязана ею, как все мы. Теперь ее приверженность нашему народу неоспорима.

О чем это он толкует, блин?

Кингфишер осторожно провел большим пальцем по моему подбородку, и палец стал красным. Его грудь все еще ходила ходуном. Пока что он не произнес ни слова.

– Короновать ее! *Короновать!* – взревела толпа.

Я опьянела. Плыла, тонула, шла на дно. Не помешало бы прилечь.

Вдруг кто-то начал подниматься ко мне по ступеням. Я оторвала наконец взгляд от Фишера и громко охнула, снова увидев Зал слез. Увидев по-настоящему, так, будто смотрела на него впервые. Пришли в движение фигуры, вышитые на гобеленах, – двигались, резвились и сияли в свете факелов. Золотые и серебряные сполохи плясали в воздухе. Тьма по краям рассеялась, открыв роскошное убранство, мебель и картины на стенах; ночные цветы распустились в вазах по всему залу.

Внезапным и ошеломительным образом Зал слез сделался

прекрасным.

3
Доза

Кингфишер

На ее груди появилась новая татуировка: тонкая черная линия протянулась от одного плеча до другого, прямо под ключицами. Просто линия, но почему-то это выглядело потрясающе. Сейрис была умопомрачительна, когда обводила взглядом зал и в ее глазах сверкали созвездия. Она сама была центром галактики. Сила притяжения влекла меня к ней и раньше, но после того, что она сейчас сделала – а она понятия не имела об истинном смысле своего деяния, – мой член стал тверже, чем когда-либо, и мне не очень-то удавалось ясно мыслить.

Боги, а ее охерительное платье…

Пока Эрет поднимался с платформы по ступеням помоста, приближаясь к трону, я смотрел, как Сейрис широко открытыми глазами обводит зал, и знал, что` она чувствует. Эйфория струилась и в моих венах тоже. Надо было проявить осторожность, когда я просил ее выпить моей крови. Сейрис не могла знать, что случится, если она вонзит в меня клыки и замрет, не начав пить. Но я сам виноват. Должен

был ей сказать. Я должен был объяснить. Член безжалостно пульсировал, когда я повернулся лицом к залу.

Эрет уже дошел до последней ступени и почтительно склонился перед моей супругой. Сейрис его присутствие едва заметила. Мою бедную маленькую Ошу накрыло эффектом от укуса, но не меня. Я много старше. Я знаю, как не поддаться кайфу. И я не поддавался ему с большой неохотой, ведь так хорошо было бы сейчас качаться на волнах чистого блаженства вместе с ней. Однако Эрет предложил ей укусить меня не без причины. Похоже, он надеялся, что этот опыт ее ошеломит. Вероятно, он также рассчитывал, что укус Сейрис притупит мои чувства и тоже заставит потерять бдительность… но Эрет меня не знал. Мы не встречались с ним на поле битвы. Он ни разу не наведался ко мне, когда я был заперт в лабиринте Малькольма. Он понятия не имел, кто я такой и на что способен, а значит, даже представить себе не мог, на какие страшные преступления я готов пойти, чтобы обеспечить безопасность моей возлюбленной.

Клюворылый ублюдок двумя руками поднял золотую диадему и осторожно опустил ее на голову Сейрис. У нее трепетали ресницы, пока она потихоньку приходила в себя, а мое восприятие сделалось острым, как кончик кинжала. Она была уязвима сейчас, когда вампир стоял так близко к ней. Слишком уязвима. Я сжался словно пружина, ощущая покалывание в подушечках пальцев.

«Терпение», – шепнула мне ртуть.

После того как Тэ-Лена и Ишабаль объединили усилия, чтобы вытянуть из меня ртуть, шепот в моей голове стал не таким неистовым. Теперь он был более отчетливым. Более легким для понимания. Вместе они, целительница и ведьма, сделали то, что никогда не смогли бы совершить поодиночке. Оставшаяся капелька ртути уже не заставляла меня чувствовать себя так, будто я из последних сил стараюсь сохранить здравый рассудок. Впервые с тех пор, как ртуть проникла в меня в детстве, я начал думать о ней как о благословении, а не как о проклятии. И вот теперь она предупредила меня, пока я следил за Эретом, как сокол за добычей: *«Жди. Жди. Наберись терпения…»*

Терпение никогда не было моей добродетелью. Но лабиринт все изменил. Я остался на месте, предоставив Эрету кредит доверия. Я мало что о нем знал. Вряд ли он так быстро перейдет к действию после…

Не-а.

Хрена с два.

Я был прав.

У клинка, который возник в руке Князя, рукоятка была обмотана кожаным ремнем. Должно быть, ему было ужасно неудобно столько времени ходить с этой штукой, прилаженной сбоку под плащом. Клинок был нехороший, тонкий, как игла, и отблескивал серебром: идеальное оружие для вампирской знати, неопытной в боевых искусствах. Можно воткнуть врагу через барабанную перепонку прямо в мозг.

Эрет двигался быстро.

Я двигался быстрее.

Сейрис тоже отреагировала – туман в ее глазах рассеялся. Она потянулась к кинжалу, полученному от меня, но я уже обрушился на Князя.

Эрет, падая назад, издал нутряное «гыыы!» – у него из груди вышел весь воздух. Он тяжело опрокинулся на ступени, ведущие к трону. Приподнялся, вскинув клинок, собирался его метнуть, но…

Я завел руку назад над плечом.

Мои пальцы сомкнулись на рукояти Нимерель.

Меч выскочил из ножен за спиной мгновенно.

Я метнул клинок изо всех сил.

Отточенный металл свистнул в воздухе, крутанулся, описал дугу и рассек торс Эрета по диагонали, располовинив его.

Меч завибрировал, воткнувшись в платформу острием, на пять дюймов уйдя в обсидиан.

Хлоп.

Хлоп.

Теперь, когда обе половинки Эрета лежали на платформе, он уже не казался таким уж изящным. Были видны черные внутренности, омертвевшие органы, и зловонный ихор сочился, тягучий, как деготь. Смерть так давно ходила по пятам за этим монстром, что теперь не собиралась долго тянуть время, чтобы забрать добычу. Ведь Нимерель была бо-

гом мечей, в ней серебро смешалось с божественной магией. Я не отрубил Эрету голову, но этот ублюдок валялся передо мной в двух частях. Мой удар его скоро прикончит.

Слева трое высокородных вампиров в черных плащах-табарах с вышитыми на них кроваво-красными драконами корчились у ступеней. Должно быть, они бросились на помощь своему предводителю, и кто-то *другой* уложил их рядом. У помоста стоял Таладаюс с вытянутой рукой и ничего не выражающим лицом – это он удерживал вампиров своей магией. Прежний король не без причины назначил Тала заместителем. Тал никогда не похвалялся своей магией, но обладал огромной силой. Еще до трансформации он умел управлять большинством жидкостей. Точнее, всеми, кроме ртути. Кровь – это жидкость… и только что он вскипятил ее в жилах трех высокородных вампиров.

Из их разинутых ртов повалил пар, предсмертные крики были беззвучны, а Тал наблюдал за агонией с мастерски изображенным скучающим видом. Возмущенный шепот разнесся по залу. Применение запретной магии против членов своего же двора – дело редкое, но не то чтобы небывалое. Ходили слухи, что Малькольм любил смотреть, как его подданные, нарушившие какой-нибудь закон, исходят па`ром. Однако Сейрис не отдавала Талу приказа. Он действовал по собственной воле. Значит, наверняка будут последствия, но это не моя проблема.

Сейрис замерла позади меня.

Хватило секунды, чтобы окинуть ее взглядом – не ранена ли. Она казалась целой и невредимой, но я не доверял собственным глазам. Мне нужно было услышать это от нее.

«Ты в порядке?» – спросил я.

«Да. Я… Со мной все нормально».

Теперь можно было вздохнуть с облегчением.

«Тогда оставайся на месте. Жди меня. Больше никто не поднимется по этим ступеням». Среди криков ужаса и паники, раздававшихся по всему залу, я медленно сошел с тронного возвышения на платформу, где лежали две половины разрубленного тела Эрета.

– Могу поклясться, ты сожалеешь! – прорычал я.

Изо рта Князя выплеснулась черная жидкость, запузырилась, пачкая губы и подбородок.

– Она… анафема. Про`клятая, – выдавил он. – Б-боги отринули… ее.

– Да ну? – Я присел рядом с ним на корточки. – Уверен?

Я еще не успел надеть наруч и протянул к вампиру правую руку, показав то, что скрывали часть моего доспеха и перчатки Сейрис: татуировки, символизирующие, что нас обоих и наш союз благословили боги. Когда-то Эрет был фейри. Он знал легенды. Несомненно, слышал сказания о парах, связанных Божественными узами. Глаза Князя расширились – он увидел чернильный узор, охватывающий мое запястье. Чернильный узор, который проявился у меня в лабиринте, когда Сейрис унесло через ртуть в мир богов.

– Боги не отринули Сейрис. Они ее хранят.

Возможно, это было не так. Божественные узы часто приводят к гибели. Но Сейрис один раз уже умерла, а я свою норму смертей с лихвой выполнил в лабиринте. По мне, Смерть взяла с нас должок. Я считал, что могу рассматривать наши чернильные метки как благословение.

Эрет издал смешок – звук, больше похожий на влажный предсмертный хрип.

– Г-глупец. У нас *другие* боги.

И его не стало.

В мгновение ока тело монстра рассыпалось в прах.

Грянул неистовый вопль – Зовена бросилась вперед, но не ко мне, а к мечу, торчащему из центра мозаики – пятиконечной звезды, украшавшей платформу.

Я резко выпрямился, оскалив зубы:

– Прикоснись к нему, Зовена. Давай, *рискни*, на хрен.

Сука не дотронулась до меча, но не потому, что у нее проснулся здравый смысл. Перед моими глазами мелькнул серебристый отблеск: Тал опрокинул вампиршу на пол.

– *Стойте!*

Крик Сейрис разнесся по Залу слез, и по ее приказу Князья, в том числе Тал и Зовена, а также вся вампирская знать, буянившая на скамьях, сразу *остановились*.

– Я повелительница этого двора, и слово мое да будет услышано! – Она стояла на краю помоста, прекрасная и грозная, как буря; казалось, воздух искажается и пульсирует во-

круг нее.

Я не был подданным саназротского королевства, но даже у меня в ушах зазвенело от ее властных интонаций. А несколько аристократов на первом ряду попадали перед ней на колени.

– Отныне и впредь в моем присутствии именно так вы и будете меня чествовать: *на коленях*! Всем подданным Кровавого двора Саназрота запрещается наносить вред и чинить препятствия мне, моему мужу и кому бы то ни было из моих друзей, а также покушаться на убийство кого-либо из нас. В дополнение к тому отныне и впредь ни одного фидера, подневольного высокородным вампирам этого двора, нельзя использовать в военных целях, ради злого умысла и насилия. Я сказала свое слово. Да будет так!

Мощная волна энергии прокатилась по залу, взвихрив одежды на вампирах и заставив их прикрыть глаза ладонями.

Сейрис огласила свои указы. Первые законы нового монарха, навязанные силовым методом. Первые шаги к выполнению нашего плана.

Вампирам Саназрота ничего не оставалось, как подчиниться.

– Она впрыснула тебе *дозу*? На глазах у всего саназротского двора?

Шагая по грязи, я покачал головой, услышав радостное изумление в голосе Рэнфиса. Слишком уж он развеселился.

– По-моему, ты упустил главное. Я убил Князя Полуночи. Коронационные торжества отменены. Мне пришлось покинуть Аммонтрайет, пока там не вспыхнул бунт.

Мой друг закивал, потирая подбородок:

– Да уж. Точно. Ага. Мы надеялись, что церемония пройдет несколько иначе. Но по чесноку – кому было дело до этого Эрета? Вампиры соберут кворум и заменят ублюдка. Мне интереснее узнать, что было, когда ты хватанул дозу. Сорвал с нее платье прямо перед всеми?

Я скрипнул зубами и тяжело вздохнул:

– Нет, я не срывал с нее платье. Сейрис едва успела меня укусить. Как только я понял, что она делает, велел ей пить кровь, и тогда… – Но тут я вспомнил жар ее яда в своих венах, и у меня снова закружилась голова. – Слушай, давай сосредоточимся. Мне пришлось скакать из Аммонтрайета верхом, а потом катиться по льду гребаного Дарна, прежде чем я снова получил доступ к своей магии. Как я смогу защищать Сейрис, если даже проклятый теневой портал там не открыть?

Рэн теперь выглядел не таким бледным, как раньше. Приятно было это видеть. С тех пор как мы перенесли Лейн в Восточное крыло Калиша, его настроение чуточку улучшилось.

Моя единоутробная сестра вчера впервые открыла глаза – пусть маленький, но все-таки прогресс. Рэн всегда о ней заботился, даже когда мы были моложе и она безжалостно его дразнила. По-моему, мой друг назначил себя ответственным за то, чтобы Эверлейн исцелилась, по возможности полностью.

Он пригнулся, входя за мной в штабной шатер:

– Похоже на то, что Сейрис теперь принадлежит к числу самых могущественных правителей по эту сторону посмертия. Вампиры ее короновали. Она изъявила свою волю и сделала ее законом.

Я безрадостно хмыкнул.

– Они вынуждены ей повиноваться, брат, – продолжал Рэн. – Такова одна из составляющих проклятия, наложенного на их двор. Скажи за это спасибо Малькольму с его параноей. Любой вампир, созданный им и его детьми, обязан подчиняться короне Саназрота. Теперь эта корона на голове Сейрис, она запретила своим подданным причинять ей вред – и стала фактически неуязвимой. Она не нуждается в защите. Вампиры будут выполнять ее приказы. Они не смогут ничего ей сделать. И тебе тоже не смогут. А вдобавок она распустила гребаную *орду*, Фишер!

Он был прав. В его словах был резон. Тогда откуда этот неотвязный противный холодок у меня в животе?

– Пока мы тут болтаем, они изо всех сил ищут обходные пути. Зовена лопалась от злости…

– На хрен Зовену, – проворчал Рэн.

– …а старая Альгат лыбилась, как мелкий демон, выходя из зала, так что боги знают, что она там замышляет.

– Так-так-так. Глядите-ка, бродяги вернулись.

В штабном шатре не было никого, кроме воина, в одиночестве сидевшего на стуле у камина и точившего меч оселком. Когда-то Ависиэт носил имя Селеандор и принадлежал другой участнице «Лупо проэлиа», но Сейрис перековала его и отдала в руки Лоррета – первый бог мечей за минувший век, к которому вернулась способность служить проводником магии.

– Ты так свой клинок в труху сотрешь, – сказал Рэн, усаживаясь рядом с воином.

– Он обижается, если я перестаю точить его каждый вечер. – В голосе Лоррета звучали нотки досады. Он поприветствовал нас обоих ухмылкой. – У этой штуки настроение скачет похлеще, чем у фейлинга, у которого яйца только начали увеличиваться.

Рэн засмеялся и кивнул на меня:

– Забавно, Лоррет, что ты упомянул про яйца. Вон спроси Фишера, как у него с этим дела.

Я со стоном оперся на стол в центре зала:

– Боги неумирающие, Рэн, ты теперь всем об этом рассказывать будешь?

Лоррет нахмурился. Он наклонился и поднял стоявшую на полу у его ног кружку с пивом.

– О чем рассказывать? У него какая-то проблема с яйцами? – Лоррет сделал большой глоток пива.

– Он подбросил Сейрис еще одну татуху. Перед коронацией ей пришлось его укусить, – сказал Рэнфис. – И она случайно впрыснула ему *дозу*.

Лоррет подавился пивом и фонтаном забрызгал все вокруг.

– Что? – вытаращился он на меня. – Перед всем вампирским двором?

Я сокрушенно кивнул, издав вздох. Надо было поскорее покончить с этой темой.

– Да, перед всем двором.

– И как же ты, блин, сдержался? Ты не… – Лоррет многозначительно уставился на мой пах. – Ну, того…

– Да, у меня встал и был тверже гребаной стали, которая сейчас у тебя в руках. Ты *это* хотел услышать?

– Боги, я так тебе сочувствую, – сказал Лоррет, но лицо его кривилось от смеха, и было ясно, что ни фига он не сочувствует и что эта история – самое забавное из того, что ему доводилось слышать.

А вот мне было не смешно. Главным образом из-за того, что так и не выпала возможность побыть с Сейрис наедине после коронации, и еще из-за ситуации, в которой я теперь оказался. Я был в Иррине. А моя истинная любовь – нет. Будь моя воля, мы бы уже перебили всех до единого ублюдков при саназротском дворе, и Сейрис была бы здесь, рядом

со мной. В кои-то веки хотелось побыть эгоистом. Послать все на хер и поставить на первое место свое счастье и счастье моей супруги. Но не эгоизм был моим уделом в этой жизни. Как напоминание об истинном пути, возникло покалывание на тыльной стороне левого предплечья, и чернильный узор затрепетал под кожей. *Жертвоприношение*. Эта руна часто нагревалась и порой даже жгла, как будто чернила еще были свежи. Но ее очертания никогда не менялись. И не предвещали мне иного, менее мучительного будущего.

План, который мы разработали после того, как Сейрис очнулась, состоял из нескольких частей, и создавалось впечатление, что он может рассыпаться в любую секунду. Мысли о последствиях его провала не давали мне спать уже несколько ночей.

Если Тал не выполнит свою часть сделки и не обеспечит Сейрис безопасность…

Если королевский указ Сейрис потеряет силу или саназротские кровососы найдут способ его обойти и зарежут ее в постели…

Если Сейрис не сумеет найти в саназротской библиотеке сведения, которые так нам нужны…

Если Кэррион, мать его, Свифт каким-то образом опять нырнет в дерьмо и утянет за собой любовь всей моей ничтожной жизни…

Если.

Слишком много этих «если» нужно было учесть. Они сы-

пались на меня, погребая под грудой потенциальных угроз, пока я отчаянно старался держать свое обещание *верить*. Но довериться кому-либо для меня было все равно что пытаться вспомнить язык, который я понимал в детстве. Нет, хуже. Это было все равно что пытаться бежать на сломанных ногах. Ноги отказывались меня нести, и я полз на четвереньках, а слово «верить» давило на шею пыточными колодками, пригибая к земле.

Рэн и Лоррет продолжали тихо посмеиваться.

– Ну, с оружием в такой боевой готовности ты, по крайней мере, мог дать отпор врагам, – задумчиво сказал Лоррет, лукаво поглядывая темными глазами.

Часть меня хотела разозлиться из-за того, что они так беспечно относятся к происходящему. Та самая часть, которая провела почти сотню лет в лабиринте Малькольма и мало-помалу теряла там надежду. Она постоянно пребывала в движении, эта часть. Постоянно страдала. Погибала на клыках и в огне. Ее преследовали обугленные тела жителей целого города, который я предал сожжению. Та самая часть меня, что так и не вырвалась из лабиринта и по-прежнему бежала по закоулкам непроглядного кошмара. Та часть меня, которой никогда оттуда не вырваться.

Зато другая часть испытала облегчение от того, что друзья еще не потеряли способность смеяться. Они тоже страдали. Тоже потеряли счет потерям. Им приходилось наблюдать, как наш народ калечат, обескровливают, обращают в

вампиров день за днем. И если друзья еще находят силы смеяться, я должен быть этому рад. Потому что это значит, что и для меня остается надежда.

Я склонил голову, пряча слабую улыбку, и уставился на свои руки. Правда ведь смешно, если так подумать.

– Честно признаться, тут есть отчасти и моя вина, – сказал Лоррет, снова занявшись мечом; металл издавал непрерывное звонкое гудение, когда по его кромке проходился точильный камень. – Недавно в таверне Сейрис расспрашивала меня про обмен кровью. Я рассказал ей ровно столько, сколько счел необходимым. То есть половину того, что ей следовало бы знать, как я теперь понимаю. Но как я тогда мог предвидеть, что она совершит трансформацию и вынуждена будет укусить тебя при таких обстоятельствах? Я думал, ты ей сам все объяснишь в должное время и хочешь, чтобы…

– Замолчи, пожалуйста. – Это был бессознательный порыв – внезапное острое желание сжать руки на шее Лоррета и сжимать их, пока он не перестанет дышать. Но ведь большинству связанных узами брака фейри не понравится, если другой мужчина начнет болтать о его супруге. А я был новобрачным. При одном упоминании о том, что Лоррет разговаривал с Сейрис про обмен кровью, мне захотелось выйти из себя и разнести штабной шатер к херам.

Лоррет улыбался, ничуть не обеспокоенный тем, как я на него смотрел. Только качнул головой, не отрываясь от работы. *Вжжжик. Дзыннннннь. Вжжжик. Дзыннннннь*. Тем не

менее он благоразумно решил сменить тему.

– Я его так и не нашел, – сказал Лоррет, посерьезнев.

Улыбка Рэна тоже исчезла. Он принялся грызть ногти, глядя в огонь, и обронил:

– Мы даже не можем быть уверены, что он там.

Я знал, о ком они говорят, хотя ни тот ни другой не упомянули его имени. Наш друг. Наш брат. Фоли был с нами, когда мы взобрались на дракона. Старый Шакрай стряхнул его, сбросил во тьму. Упав на землю, он переломал все кости, но убили его фидеры. Они выпили Фоли до последней капли и оставили, искалеченного, на снегу. Мы искали его несколько часов. Я вырвался из пасти дракона, и уже светало к тому времени, как мы нашли друга – он, окровавленный, едва дыша, прятался от восходящего солнца в зеве пещеры.

Фоли должен был стать фидером. Малькольм считался единственным, кто способен создавать других вампиров, сохраняющих личность и рассудок. По крайней мере, в то время мы так думали. И решили, что случилось чудо. Годы спустя мне открылась истина: той ночью там был Таладаюс, он наблюдал за штурмом горы.

Отвечая на расспросы, Тал сказал, что сделал это из доброго отношения ко мне. Он напоил Фоли своей кровью, а потом выпил его, потому что только так мог дать ему *выбор*: жить или умереть.

Фоли был в гневе. И в смятении. Мы какое-то время оставались с ним. Наш друг кричал несколько часов, пока совер-

шалась трансформация. Он успел насытиться кровью, пока мы его искали, и непрерывно оплакивал тех, кого убил. Фоли умирал от ужаса перед тем, во что превратился, и все же выбрал жизнь – как только стемнело, он ушел от нас, сбежал в ночь, прочь, вниз по склону горы.

Впоследствии мы услышали, что он добрался до Аммонтрайета. Много раз за долгие годы пытались связаться с ним, но наши послания оставались без ответа.

– Он там, – тихо сказал я. – Он бы не покинул дворец. Не смог бы существовать среди живых, потому что не доверял себе.

Некоторое время все мы молчали.

Вжжжик. Дзыннннинь.

Вжжжик. Дзыннннинь.

Рэн сидел неподвижно, глядя в огонь, но исходившее от него напряжение словно сгустилось в воздухе, настолько, что казалось, кто-то четвертый присутствует рядом с нами у камина, вытягивая из него все тепло.

– Скажешь что-нибудь или будешь мучиться молча? – спросил я в конце концов.

Он судорожно вздохнул, как будто я его разбудил:

– Не могу сказать ничего нового.

Лоррет все-таки отложил Ависиэт, откинулся на спинку стула и пристроил кружку с элем у себя на животе:

– Тогда скажи что-нибудь старое, а мы тебя еще разок послушаем.

На миг показалось, что Рэн продолжит хранить молчание, но он заговорил:

– Сотни лет минуло. Целая вечность. Когда-то мы хорошо его знали, но к этому дню он живет как вампир дольше, чем был фейри. Можно ли утверждать, что он остался тем же Фоли, с которым мы некогда сражались вместе, плечо к плечу?

Рэн был прав. Слишком много времени прошло. Но тут вместо «утверждать» напрашивалось все то же слово – *«верить»*. Порой оно давало мне приподнять голову, ровно настолько, чтобы сделать вдох.

– Фоли был связан с нами кровью, а мы – с ним. Он поклялся защищать наш народ и всех живых существ в Ивелии. На его месте, Рэн, ты нарушил бы клятву?

Когда я оказался в лабиринте, Рэнфис не только стал командиром «Лупо проэлиа». Он был назначен генералом, командующим армией. Сознательно взвалил на себя такой груз ответственности, который раздавил бы большинство других воинов. Меня почти раздавил. Я знал истинную сущность Рэна: он был честным, добрым, искренним. Но сейчас ему хватило глупости покачать своей дурацкой башкой:

– Честное слово, не знаю, брат.

– Что ж, а я знаю. Свои клятвы нужно держать при любых обстоятельствах. И я буду верить, что Фоли клятву не нарушил.

Я потратил на его поиски несколько часов, после того как

убедился, что с Сейрис все будет в порядке. И Лоррет тоже его искал. Таладаюс, на которого я и так злился, отказался сообщить мне, где Фоли, и от этого моя злость только усилилась. Но отчасти я его понимал.

Фоли нужно было начать жизнь в Аммонтрайете с чистого листа. В какой-то момент ему пришлось смириться с новыми особенностями существования и с их учетом двигаться дальше. Если он не ответил ни на одно наше послание, значит, у него на то была причина. А если Фоли не желает с нами общаться, вполне логично, что он постарается не попадаться никому из нас на глаза.

В давние времена он умер бы за меня, а я – за него. И я по-прежнему готов был отдать за Фоли свою жизнь, если бы это каким-то образом могло его спасти. Но непоправимое уже случилось, и Тал, похоже, был единственным, кто правильно оценивал ситуацию.

– Даже если Фоли где-то там, во дворце, откуда мы можем знать, что он согласится помочь Сейрис? – сказал Лоррет. – Он с ней не знаком. У него вообще нет оснований проявлять к ней хоть какую-то лояльность.

– Кроме того основания, что она моя супруга?

Лоррет отпил из кружки:

– Честно говоря, мне кажется, что именно это может сделать его еще менее склонным к сотрудничеству.

Я пожал плечами:

– Нельзя терять надежду. Он нам *нужен*. Его дед был од-

ним из последних алхимиков. Фоли знает об алхимических магиях и практиках больше, чем кто-либо. Беликон сжег все трактаты алхимиков, как только завладел короной Ивелии. Из нескольких книг, которые нашлись в библиотеке моего отца в Калише, нам мало что удалось почерпнуть. Остается только знание, хранящееся в голове Фоли. И если он не поделится этим знанием с Сейрис…

– Тогда Сейрис так и не сумеет раскрыть свой истинный потенциал. Мы не сможем уничтожить Аммонтрайет. Нам не удастся раз и навсегда покончить с Беликоном и посадить на трон Кэрриона Свифта, – мрачно докончил за меня Рэн. – Видимо, и правда остается только надеяться и молиться, чтобы Фоли передумал и позволил нам себя найти. Потому что мне, к примеру, хотелось бы еще увидеть на своем веку мирную жизнь.

Ха.

Мирная жизнь.

Как она вообще выглядит? И найдется ли в ней хоть какое-то применение для каждого из нас? Я сомневался. Рассеянно вспомнил, что так и не надел наруч, после того как дал Сейрис себя укусить. Погладил кончиками пальцев две крошечные ранки на запястье – они быстро затягивались, к утру уже исчезнут. Вздохнув, снял второй наруч и положил его на стол, затем, расстегнув латный воротник, освободился от этого бремени, давившего на шею. Закатал рукава и вдруг заметил, что братья смотрят на меня во все глаза.

– Что?

Но я уже знал, что привлекло их внимание. До сих пор я тщательно скрывал руны, черневшие на тыльных сторонах кистей и обвивавшиеся вокруг запястий. Те руны, что проявились, когда Сейрис приняла меня в качестве супруга. Татуировки на моих руках были всегда. Руны «Месть» и «Справедливость» очень давно лежали печатью на моей коже… но теперь к ним прибавились другие, легли поверх. Вообще-то, их стало так много, что уже невозможно было различить, где какие. Отдельные руны и целые надписи, которые вились вверх по предплечьям – Божественные узы, такие же, как у Сейрис, – были прекрасны и ужасающи, даже в моих глазах.

Я опустил взгляд на чернильные узоры и печально улыбнулся:

– Да уж. Их действительно много.

– Мы, конечно, знали про Божественные узы, – тихо проговорил Рэн. – Но знать – это одно. А видеть воочию…

– Видеть воочию *диковато*, – поддержал его Лоррет. – Означает ли это, что теперь вы с Сейрис собираетесь… ну, типа… – Он мучительно подбирал слова. – Устроить официальную церемонию? Свадьбу?

Волна адреналина прокатилась по хребту. Я отступил от стола и быстро одернул рукава, скрыв чернильные узоры.

– Нет. Не собираемся, – отрезал я. – Она не…

Полог штабного шатра взлетел, и к нам ворвалась Данья.

– Рэн! О… Ты тоже здесь… – Ее взгляд наткнулся на меня, в глазах была паника. – Тогда вам всем надо сейчас же пойти со мной! Всем троим. Творится что-то странное.

Рэн уже был на ногах.

– Фидеры у реки? – В его вопросе тоже была паника. Согласно приказу, полученному от Сейрис, все фидеры были отозваны в Аммонтрайет. Предполагалось, что сейчас они должны находиться в лагере за милю от Черного дворца, далеко от границы между Саназротом и Калишем.

– Нет, – сказала Данья. – То есть да. Я… Я не знаю, что происходит. Не могу объяснить. Вам лучше самим на это посмотреть. Скорее!

4
Сто четырнадцать

Кингфишер

Их было восемь в ряду на кромке насыпи у реки.

Все неподвижные, как мертвецы – *настоящие* мертвецы, а не те, что вернулись к существованию. Они не рычали на фейри, глядевших с противоположного берега, и были похожи на полуразвалившиеся статуи. Ни один не шелохнулся. У меня даже мелькнула мысль, что кто-то поставил там трупы на подпорках.

– И на что мы сейчас смотрим? – поинтересовался я.

Данья столько повидала на своем веку, что стала такой же непробиваемой, как и все мы, но сейчас ее лицо было мертвенно-бледным. Она кивнула на фидеров:

– Просто смотри.

Прошла минута.

Другая.

И когда я, начав терять терпение, уже собирался потребовать у Даньи объяснений, трупы зашевелились.

Все восемь ринулись вниз по склону с неестественной синхронностью. Сначала левая нога. Потом правая. Они

вместе заскользили по насыпи, потеряв опору в грязи. Рухнули на четвереньки, запрокинули головы и пронзительно завизжали.

От этого звука у меня волосы встали дыбом.

Слаженно, все как один, мертвецы продолжили путь ползком на руках и коленях.

– Ломаем лед? – прошептала Данья.

– Нет. Ждем.

Если их унесет течением, мы не сможем осмотреть тела после окончательной смерти. Эти фидеры отличаются от остальных, и надо выяснить почему. Рэн, словно прочитав мои мысли, пустил в ход магию – сформировал в ладонях бело-голубой шар, энергетический сгусток. Мои тени завихрились вокруг ног, сплетаясь и расплетаясь, готовые сорваться с привязи.

– Как только доберутся до середины… – прошептал Рэн.

У Лоррета в руках уже был Ависиэт. Я оставил Нимерель за спиной – тут и теней должно хватить. Фидеры выползли на лед. Пока что они были далеко. Их конечности одновременно коснулись замерзшей поверхности: левая ладонь, правое колено, левая ладонь, правая ступня.

Лоррет половчее ухватил рукоять:

– Мне это не нравится.

Мне тоже это не нравилось. Какая-то дрянь витала в воздухе. Токсичная мерзость. До меня долетали запахи лагерных костров и готовившейся еды, но было там что-то

еще. Что-то, не имевшее различимого запаха, касалось моих ноздрей и просачивалось в легкие. И что бы это ни было, нельзя позволить…

Фидеры прыгнули.

Все восемь взвились надо льдом, как олени, пустились вскачь к середине реки, к той самой границе, за которой начнет действовать наша магия, и без колебаний пересекли воображаемую линию. Едва это случилось, Рэнфис запустил магический шар, а я дал волю теням – дым и свет понеслись над Дарном. Магия Рэна ударила первой. Шар поразил двух фидеров в лоб. Я заставил тени отклониться в сторону, нацелив их правее, на других фидеров, но…

Свет Рэна должен был заискриться и отхлынуть, оставив за собой два лежащих тела – так происходило обычно, но не сейчас. Шар вспыхнул, озарил тьму – и свет *просочился* в двух мертвецов, которые только что приняли удар. Они были мужского пола. С голым торсом. От точки, где магическая сфера коснулась груди одного и второго, по ребрам разбежалась сеть трещин, сверкающих ослепительно-белой магией. Два фидера содрогнулись, и внезапно все восемь наполнились той же концентрированной белой энергией.

Свет пульсировал, полыхал; фидеры снова затряслись, выгибая хребты дугой.

– Боги всемогущие, это еще что?! – прошептал Рэн.

Я отпустил тени, разбросав их веером: восемь тонких щупалец тьмы, искрившихся моей собственной магией. *«Рази-*

me, – мысленно приказал я. – *Покончите с ними»*. Но когда тени достигли целей, пронзив фидеров через пылавшие белым отметины – там, где магия Рэна была поймана в ловушку грудных клеток, – моя магия тоже застряла в них. И – боги! – я это почувствовал. Как будто сделал вдох в ледяной воде. Холод ворвался внутрь, лишив возможности дышать. Одиночество и печаль проникли следом, обвились вокруг сердца и сжали его так сильно, что казалось, вот-вот раздавят. За сотню лет, проведенных в заточении в лабиринте Малькольма, я никогда не испытывал такого отчаяния, как в тот момент.

Я хотел, чтобы это прекратилось. Зерно страшной муки пустило корни в моей душе. Не получалось вдохнуть – я словно забыл, как это делается. Хватал ртом воздух – и кое-как сделал глоток, но вкус был неправильный.

Я попытался отозвать тени обратно – и не смог. Фидеры втянули их и удерживали в себе. В центре груди у каждого из них кружило водоворотом черное металлическое сияние, плескалось вокруг сгустков белой энергии, которую они забрали у Рэна.

Я взглянул на друга: он был бледен, на лице отражался ужас. Почувствовал ли он то же, что и я? Очень было на то похоже.

– Они поглотили нашу магию, *выпили* ее, – шепнул я.

Лучше бы они выпили нашу кровь. Лучше бы укусили. То, что они сделали, было неизмеримо хуже. Кровь священна,

да, но магия?! Меня затошнило. По большому счету ни я, ни Рэн не применили свою магию в полную силу, но я все равно ощущал потерю – малая часть меня отправилась вовне и уже не вернется.

Фидеры опять затряслись, полуприкрыв глаза, – казалось, они содрогаются в экстазе. Все восемь издали стон, прошлись гнилыми языками по растрескавшимся губам… и словно очнулись.

– Они наступают! – закричала Данья.

Фидеры помчались со всех ног, неестественно длинными прыжками: украденная энергия несла их вперед.

Они почти добрались до нашего берега.

Потверже расставив ноги в грязи, Лоррет поднял Ависиэт двумя руками, развернув его так, что острие оказалось напротив лица.

– Я смету их «дыханием ангелов»! – прорычал он. – Против этого они не выстоят.

– Нет! – рявкнули мы с Рэном одновременно.

– Не надо! – крикнул я Лоррету, тяжело дыша. – Они поглотили нашу магию. Если получат еще и «дыхание ангелов»… – Об этом даже думать не хотелось. Станут ли фидеры сильнее? Смогут… смогут ли применить «дыхание ангелов» против нас? Проклятье, у меня мутилось в голове.

Другие воины из Иррина присоединились к нам на берегу.

– Никому не использовать магию! – заорал я, и дыхание на холоде расплылось пушистыми перьями пара. – Только

серебро! Клинки и кинжалы! Они идут!

Фидеры на подходе разделились. Раньше они двигались синхронно, теперь – независимо друг от друга, и взгляды их мутных красных глаз были устремлены на разных воинов, когда мертвецы рванули в атаку.

Услышал ли Лоррет мое предупреждение? Я, блин, очень на это надеялся. Пульсирующие молнии «дыхания ангелов» все же не разорвали ночную тьму.

Один из фидеров – рослый широкоплечий ублюдок с коротко стриженными волосами и татуированными руками – оскалил гнилые зубы, приближаясь ко мне. Я потянулся за кинжалом на поясе, но пальцы схватили пустоту. Сука! Я же отдал его Сейрис. Времени на размышления не было. Я выхватил из ножен Нимерель и широко взмахнул ею, когда фидер бросился на меня.

«Не надо магии, перекрой поток, – взмолился я, обращаясь к мечу и раскручивая его. – *Просто снеси его гребаную башку»*.

Меч услышал и повиновался. Когда его остро отточенное лезвие вошло в фидера, из клинка не вырвалось ни перышка дыма, ни искры магии. Сталь поразила цель, легко проскочила сквозь гниющее мясо и желеобразные внутренности, чиркнув по костям. Но как только Нимерель погрузилась в плоть, вдоль клинка выкристаллизовалась, словно иней, какая-то плотная черная субстанция.

– Что за…

Нимерель пронзительно *завизжала*.

Я услышал это в своем сознании – оглушительный визг, полный боли. Нимерель задрожала так сильно, что волны вибрации прокатились по моим рукам и отдались в зубах. Фидер даже не заметил, что я пронзил его мечом. Он пер вперед, клацая зубами и глубже насаживаясь на лезвие в попытке добраться до меня.

Даже без своей магии Нимерель должна была причинить фидеру сильнейшую боль. Она была выкована из серебра и железа. Я сам мог держать ее в руках только благодаря тому, что произошло на горе Аджун. Та часть фидера, которая когда-то родилась фейри, должна была отпрянуть от железа. Ту часть, что стала вампиром, должно было сразить серебро. Но ни того ни другого не случилось.

Скользя по грязи, я поднял ногу и ударил фидера в живот, скинув его с лезвия меча. Монстр отлетел шага на три, скатился с берега, и это дало мне время собраться. Еще раз использовать Нимерель было нельзя. Это причиняло ей боль. Я вернул меч в ножны за спиной и достал второй кинжал из голенища сапога, готовясь встретить новую атаку вампира.

Крики и вопли звучали в ночи.

Теперь воины были повсюду – другие подоспели из лагеря и вступили в сражение. Фидер атаковал меня, взвился в воздух. И, приземляясь, получил стрелу с серебряным наконечником в шею, но это не причинило ему вреда. Я выдернул стрелу и воткнул отломанный наконечник ему в глаз, но

и это его не остановило. Фидер снова рванулся ко мне, растопырив пальцы. Там, где раньше были ногти, теперь торчали острые крючковатые когти, с которых капал черный ихор. Если он меня хотя бы оцарапает… я не умру, но это будет адски неприятно.

Я отскочил за пределы досягаемости демона. Ни магию, ни меч использовать было нельзя, но я двигался проворнее, чем он. Фидер разочарованно зарычал, снова скакнул вперед и…

– Лед! – закричал кто-то. – Они ломают лед!

Неприятный холодок в животе подсказал мне, что течение под замерзшей поверхностью Дарна никак не помешает этим фидерам. У восьмерки монстров и у тех демонов, с которыми мы привыкли иметь дело, насчитывалось всего два общих свойства: они были мертвы и хотели жрать. В остальном эти *штуки* принадлежали к совершенно разным видам.

И разумеется, когда лед проломился у берега и один фидер упал в воду, он не издал ни звука. Сгруппировался под водой, в чернильно-черной реке, а потом взметнулся над расплескавшейся волнами поверхностью Дарна и ринулся к Рэнфису.

– Рэн! – Крик разнесся над морем воинов. Судя по голосу, Лоррет сражался где-то не на жизнь, а на смерть, и все же он нашел возможность предупредить брата.

Фидер змеей нырнул вперед – язык, высовываясь изо рта, извивался между заостренными зубами. Я, резко уклонив-

шись, обошел его справа и воткнул кинжал сбоку в череп.

Надо было отрезать ему голову, но приходилось отбиваться от молотивших по мне рук с гребаными когтями.

– Огонь! – заорал я. – Жгите их!

Других вариантов у нас не осталось. Если огонь тоже не сработает, мы в жопе.

Мои воины откликнулись на зов. Через несколько мгновений яркое оранжевое пламя разбросало исполинские тени по берегу реки. Сотни факелов жарко запылали, брызжа искрами. Любой нормальный фидер застыл бы на месте при виде открытого огня, но этот пер вперед.

– Посторонись, командир! – крикнул рослый воин с темными волосами. Он огибал меня, подняв над головой факел, и я отошел с его пути. Воин с силой швырнул факел в фидера.

«Не сработает. Не сработает, не сработает…» – шепнул мне голос страха. А может, это был голос остатков ртути.

Но монстр загорелся, как сухой хворост, едва огонь коснулся его разлагающейся плоти.

Фидер, охваченный пламенем, опять не издал ни звука. Даже не охнул.

Он не замахал руками, не бросился бежать. Только припал к земле, весь в огне. Время будто замедлилось, пока вампир распрямлялся пружиной, взлетал в воздух и опускался на воина, который его поджег.

– Нет! – Я двигался стремительно, как мог, но оказа-

лось, что я не быстрее прокля`той твари. Я опоздал. Фидер уже схватил воина, пронзил когтями его череп, ломая кости, свернул голову набок и впился в шею зубами.

Бой закончился за секунду. У воина, пришедшего мне на помощь, была проломлена голова и в мгновение ока не осталось крови. А фидер уже превратился в горящий факел. Он, судя по всему, не чувствовал боли и даже не замечал, что мало-помалу превращается в пепел. Он врезался в толпу, обрушился на других воинов, не обращая внимания на мечи и кинжалы, которые вонзались в его грудь и горло. Фидер неистово метался среди моих бойцов, и я видел, как они падали.

– Обходи с фланга! – закричал кто-то.

Данья. Это она была там, по ту сторону свалки из тел, бежала мне навстречу. Я тоже побежал, и мы вдвоем одновременно налетели на фидера, схватили его и опрокинули на землю. Мы его держали, а он горел. Пламя искусало наши руки и заплясало, перекинувшись на одежду. Жар был невообразимый.

– Руби`те! – заорал я. – Рубите на хер башку!

Понятия не имею, чей топор завершил дело. Как только голова фидера отделилась от плеч, множество рук дернули меня назад, прочь от охваченного пламенем трупа. В небе над нами мерцали сполохи. Утоптанная грязь у берега сделалась густой и воняла ихором. Как будто тысячи ножей воткнулись глубоко в грудь, когда меня бросили в Дарн.

Когда тебя режут, это больно. Когда яд фидеров попадает в кровь, это тоже больно. Но гореть заживо? Вот это, блин, больно *по-настоящему*.

Я шипел сквозь зубы, сидя в штабном шатре, пока Тэ-Лена смазывала холодящей мазью мои руки. Она сделала для меня все, что смогла, но ее запас магии уже был потрачен на Данью. Зато ее исцеляющая магия – врожденная, в отличие от моей, так что резерв скоро восстановится. Тэ-Лена сразу хотела мне помочь, когда я ввалился в шатер, но я настоял, чтобы сначала она занялась Даньей. Я тогда загорелся довольно быстро, но Данья вспыхнула сразу, как факел. У нее были очень серьезные ожоги. Она могла бы умереть, если бы целительница не оказала ей помощь без промедления. Волдыри на коже рук полопались, и теперь там было голое мясо. Лицо тоже сильно обгорело. А волосы… Тэ-Лена изо всех сил постаралась устранить последствия страшных ожогов по всему телу, но от длинных светлых волос Даньи теперь осталась только опаленная щетина.

– Через пару часов я уже буду в состоянии заняться тобой как следует, – приободрила меня Тэ-Лена, осторожно нанося еще один слой густого зелья, которое она приготовила из

своих запасов целебных трав.

Я скрипнул зубами, изобразив для нее кривоватую улыбку:

– Все нормально. Я почти ничего не чувствую.

– Лжец, – буркнула она. В ее глазах блестели непролитые слезы. – Я знаю, как тебе больно. Если и дальше будешь скрывать, от этого никому лучше не станет.

– Ладно, тогда я немножко поплачу, можно? – Я игриво подмигнул ей, дав понять, что шучу.

Тэ-Лена ничего на это не сказала. Только виновато улыбнулась и занялась другими открытыми ранами на моих кистях и предплечьях.

– Через пару часов, – повторила она. – Как только буду в…

Я взял ее ладони в свои, опять слегка зашипев, когда засаднило кожу.

– Все нормально, Тэ-Лена. Я могу потерпеть.

Слава богам, она ничего об этом не знала, но мне приходилось терпеть и кое-что похуже. Гораздо хуже.

Рэнфис с Лорретом разминулись с целительницей на входе в штабной шатер. Лица обоих воинов были перепачканы сажей, доспехи заляпаны ихором. У них ушло немало времени на то, чтобы обездвижить остальных фидеров. Как мне сказали, мертвецов заарканили, связали веревками и пригвоздили к земле, а потом отрубили головы.

– Мы примотали безголовые тела к дереву. – Рэнфис бросил перчатки на стул у огня.

Всего несколько часов назад мы сидели здесь и шутили о моем конфузе, обсуждали новые чернильные узоры. А казалось, будто минула вечность.

– Они по-прежнему отказываются сдохнуть, мать их! – рявкнул Рэн.

– Головы мы засунули в мешок и бросили на берегу. А они пытаются прогрызть ткань, чтобы выбраться. – Лоррет казался смертельно уставшим. Он опустился на корточки, привалившись спиной к стене, спрятал лицо в ладонях и недолгое время со свистом дышал сквозь пальцы. Затем поднял голову и заговорил, медленно, подбирая слова. – Пять преисподних, что это все-таки было? Мы веками стояли здесь лагерем. И до сегодняшнего случая им только однажды удалось прорваться на наш берег. Мы тогда показали себя не лучшим образом, но все же довольно быстро с ними расправились. А теперь у нас половина лагеря лежит в руинах из-за каких-то восьми фидеров. Восьми! И формально мы их до сих пор еще не прикончили.

– Мне нехорошо, – тихо сказал Рэн. – Чувствую ком в животе. Как будто я связан с ними… как будто магия, которую они забрали, протянулась между ними и мной. И они тащат ее к себе, дергают, пытаются выдернуть из меня еще… Ты тоже чувствуешь что-то подобное? – спросил он меня.

Я вообще не хотел об этом думать, но Рэн был прав. Я чувствовал то же самое. И кивнул:

– Нужно выяснить, кто ими руководит.

– А ты думаешь, за ними кто-то стоит? – взглянул на меня Лоррет. – Мне они показались неуправляемыми. Дикими. – Он поежился.

– Возможно, под конец так и было. Но в начале…

То, как синхронно двигалась восьмерка фидеров, подразумевало, что они подчиняются неким указаниям. Но даже Малькольм не сумел бы получить такой контроль над ними. Здесь нужна была магия особого рода, и она требовала непомерной силы.

– Ты знаешь, кто это может быть, – заявил Рэн. – Только один вампир способен на такое.

Я покачал головой:

– Тал не создает фидеров, у него нет рабов.

– Он так сказал, а ты поверил на слово? – Вопрос Рэна прозвучал довольно резко.

– Зачем ему лгать, Рэн?

Боги, как же я устал. Все тело ломило, будто меня привязали к лошади и три мили тащили по камням.

– Затем, что такова его природа. Он лжец. Тал никогда и ни в чем не был с нами честен. Фоли стал тем, кем стал, из-за него. И той ночью, на берегу Дарна, это он был с Эверлейн. Он держал ее на гребаной *цепи*, Фишер!

– Малькольм приказал ему это сделать…

– Почему ты всегда его защищаешь?! – Рэн со всей силы хватил кулаком по столу. От его крика стены штабного шатра задрожали. Бледное лицо друга сделалось багровым. – Раз

за разом ты пытаешься отрицать очевидное! Тал бросил тебя. Он бросил тебя тысячу лет назад. По собственной воле бросил нас всех и ушел к Малькольму. Почему, ты думаешь, Тал до сих пор не покинул этот мир, а? Если он еще не сдох и сидит занозой у нас в каждой пятке, тут может быть только один вывод: он питается живой кровью. Он – все, что нам ненавистно, но каждый раз, когда случается что-то подобное, ты находишь для него оправдания!

Я позволил Рэну выплеснуть злость. Бесполезно было пытаться ответить ему, пока он клокочет от ярости. Рэн таращился мне в глаза, его грудь тяжело вздымалась и опускалась, а я смотрел на него, и меня поразила мысль, что в тот единственный раз, когда я уже видел Рэна в таком гневе, он тоже бушевал из-за Таладаюса. В каком-то смысле Рэн был прав насчет него. Но во всех других, действительно важных, смыслах – не был.

– Мне жаль, – сказал я. – Знаю, вы с Талом заклятые враги и этого не изменить. Но ты не испытал на себе проклятие крови, брат. Тебя никогда не принуждали действовать против твоей воли. И ты никогда не был настолько влюблен в кого-то, чтобы продать душу дьяволу ради спасения своей любви. Я бы хотел, чтобы ты, встретив наконец истинную любовь, познал с ней только безмятежный покой. Но у некоторых… – добавил я печально, – у некоторых не всегда все бывает так просто.

Через несколько часов, когда Тэ-Лена вернулась меня ле-

чить, а солнце разбилось о черную ломаную линию горизонта за Саназротом, мы пошли оценивать нанесенный нам за ночь ущерб. Часть лагеря со стороны реки была уничтожена: палатки разорваны в клочья, припасы раскиданы по взбитой множеством ног земле. Павшие воины с цветками «вдовьего горя» на закрытых веках лежали рядами вдоль берега.

Я оцепенел.

– Сколько мы потеряли?

– Сто четырнадцать, – отозвался Лоррет.

Число не укладывалось в голове. Мы никогда еще не теряли так много воинов в Иррине. В открытом сражении – да, можно ждать больших потерь. Но не здесь же, не на нашем аванпосту. И не от рук *восьми* фидеров.

– Похороним их в Калише, – тихо проговорил я. – Открою теневой портал, будем переносить тела по одному.

Мои братья ничего не сказали. Рэн так и не смог до конца подавить гнев, когда мы шагали по берегу к огромному дубу, но он все же старался сохранять спокойствие. Мы с ним еще вернемся к этому разговору, потом, когда страсти немного улягутся. Так всегда бывало, если нам случалось повздорить.

Дуб рос здесь, сколько я себя помню, высокий и могучий, несмотря на холод. Теперь он засыхал, кора отваливалась толстыми кусками. От корней до кончиков ветвей его облепили какие-то склизкие грибы. Обуглившиеся безголовые тела фидеров дергались в путах, пытаясь освободиться, но веревки, к счастью, держали крепко.

– Эти чудовища не из Ивелии, – прошептал Лоррет. – В *нашем* мире никто не способен создать такое зло.

Но ровно то же самое мы когда-то думали о вампирах. Власть как наркотик, вызывает привыкание. Каких только чудовищ не создаст извращенная душа, желающая отхватить себе побольше власти, – меня это никогда не удивляло.

5
Мертвый резерв

Сейрис

Мешок упал на пол с глухим стуком.

От него исходила такая вонь, что я чуть не блеванула.

– Аромат прямо как в твоих старых хоромах над «Миражом», – бодро прокомментировал Кэррион. Он отрезал от яблока кусочек и съел его с кончика ножа.

Я сердито зыркнула на него, чуть не заглотив наживку. Он хотел, чтобы я спросила, откуда он знает, как пахло на чердаке таверны «Мираж», где мы жили с моим младшим братом, но время для пикировок было неподходящее.

Кингфишер с Лорретом вернулись и принесли мешок, набитый отрубленными головами. Предполагалось, что *мешок с головами* должен был немедленно захватить все мое внимание, но, наверное, я какая-то ужасно неправильная, потому что в тот момент меня волновал только Фишер. Моя истинная любовь была рядом, и я как будто снова обрела возможность дышать.

Он был красив, как всегда; темные волосы струились волнами. И воздух в помещении, как всегда, наэлектризовался,

едва он вошел. Меня потянуло к нему как магнитом. Словно мое тело само стремилось туда, где оно должно быть: в его объятия. После «инцидента с Эретом», как мы это называли, коронационные торжества были отменены, Фишер отправился проведать Рэна и остальных. Таладаюс посоветовал ему покинуть Аммонтрайет хотя бы на несколько дней, чтобы высокородные вампиры немного остыли, но, похоже, ничуть не удивился, когда мой супруг на закате снова явился сюда с Лорретом и мешком.

Фишер бросил испепеляющий взгляд в сторону Кэрриона:

– Привет, Свифт. Как считаешь, удастся нам тут обеспечить себе некоторую приватность?

– Ты просишь меня уйти?

– Да.

Кэррион указал ножом на Лоррета:

– А он останется?

– Не надо махать острым предметом передо мной, мальчуган, – вздохнул темноволосый воин с борцовскими косичками. – Если, конечно, не хочешь его лишиться. Я коллекционирую хорошенькие ножики.

– Да, он останется, – бесстрастно ответил Фишер.

Кэррион послушно опустил нож:

– Тогда будет разумно мне тоже остаться. Я наследник ивелийского престола. Если речь пойдет об обстоятельствах, затрагивающих интересы Ивелии, я должен присутствовать на обсуждении.

– У тебя есть военный опыт? – поинтересовался Фишер.

– По правде говоря, нет.

– Ты имел дело с некромантией?

– Нет.

– С ходячими мертвецами?

– Нет.

– С проклятиями крови?

– Сам как думаешь?

– Думаю, что ты нам бесполезен. Проваливай.

В этот момент тяжелые дверные створки открылись и вошел Таладаюс. В отличие от остальных членов Кровавого двора – всех без исключения, – он не преклонял передо мной колени. Я особым указом запретила ему так делать, хотя он пытался убедить меня, что это плохая идея. Таладаюс целеустремленно пересек зал совета – каблуки звонко простучали по мраморным плитам, серым, с голубоватым отливом. Выражение его лица было непроницаемо. Даже безмятежно. Но мы с ним были связаны, и я чувствовала исходившую от него печаль, которая сейчас усилилась. От этой печали у меня как будто остался на языке привкус горечи и сожалений.

– После шоу, которое ты вчера устроил, Фишер, Свифта, скорее всего, похитят и продадут в рабство, если он покинет эти покои в одиночку, – сказал Таладаюс.

– А мы не хотим, чтобы это случилось? – уточнил Фишер.

– *Фишер*… – Их с Кэррионом легкая взаимная неприязнь уже начинала меня бесить.

Мой супруг перевел взгляд на меня, и вид у него был невинный до невозможности:

– Свифт постоянно твердит, что у него нет резонов сражаться за престол в Зимнем дворце. И только что он сам это доказал. Его не обучали тактике. Его вообще ничему полезному не обучали. – Он пнул мешок на полу мыском сапога. – Так какой от него толк?

Я прищурилась:

– Это ты его сюда притащил. Теперь терпи его присутствие.

– Может, все-таки пора отправить его обратно в Зильварен? – с надеждой предложил Фишер.

Мой создатель хмыкнул. Таладаюс был в простой белой рубашке с широкими рукавами, черных брюках и черных сапогах. Такая одежда в сочетании с серебристыми волосами и бледной кожей делала его образцом контрастов. Пробежавшись рукой, унизанной перстнями, по волосам, он присел рядом с мешком, открыл его и принялся разглядывать содержимое.

Когда я увидела, что` было в мешке, меня затошнило. В Зильварене я насмотрелась на трупы. Когда живешь в секторе города, закрытом на карантин, и люди вокруг тебя каждый день умирают от голода и жажды, смерть перестает так уж шокировать. Но если перед тобой мертвец, от которого осталась только голова, щеки у головы обуглились и отваливаются от костей, а она при этом моргает на тебя мутными

красными глазами… это уже немного другая история.

Теперь, когда мешок был открыт, завоняло еще хуже.

Таладаюс с задумчивым видом выпрямился.

Лоррет заговорил первым:

– Скажи нам, что это не ты.

Мой создатель оторопело уставился на воина:

– Не я?.. – Но быстро взял себя в руки. – Нет. Это не моих рук дело. У меня нет ни невольников, ни рабов. А это… – Он прервался и покачал головой. – Это вообще выше моего понимания. Отрезанные головы не должны шевелиться.

– О, мы в курсе, уж поверь. – Лоррет издал горький смешок. – Ну и как нам их убить?

Таладаюс опять наклонился, изучая головы в мешке. И наморщил нос.

– Честно говоря, не знаю. Раньше я никогда такого не видел. И даже не слышал о таком.

«Мы с тобой возвращаемся в Калиш, Оша».

Я когда-нибудь привыкну к тому, что голос Фишера может звучать прямо в моем сознании? Голос был так близко, как будто он шептал мне в ухо. По коже сразу побежали мурашки.

«Правда? Я думала, мне нужно быть здесь», – мысленно отозвалась я.

Красивое лицо Кингфишера слегка омрачилось. *«Никто не узнает о твоей отлучке. Попросим Тала сказать всем, что ты занята: весь день будешь участвовать в кровавой*

оргии. Пусть думают, что ты стараешься влиться в коллектив».

Краем уха я услышала, как Лоррет говорит Таладаюсу об этих фидерах, что они, мол, поглотили силу Рэна. И силу Кингфишера.

Я потрясенно взглянула на него, но, прежде чем успела что-либо сказать, он меня успокоил: *«Все нормально. Мы с Рэном оба неважно себя почувствовали, а потом немного поспали, и Тэ-Лена над нами поработала. Так что теперь мы в порядке».*

Как же тяжело его любить… Я весь день места себе не находила от беспокойства за него. Какое-то смутное тревожное чувство глубоко внутри подсказывало, что в Иррине случилось что-то плохое. В Зильварене я не стремилась к романтическим отношениям, хотя возможностей было хоть отбавляй. Но на мне лежала ответственность. Надо было с утра до ночи приглядывать за Хейденом, чтобы не влип в неприятности, – это во-первых. А во-вторых, каждый день приходилось добывать пищу и воду. Завязывать отношения с кем-либо казалось глупой затеей, это отвлекло бы меня от борьбы за выживание.

Но теперь все было иначе. Как… сближение двух небесных светил. Конец всему и вместе с тем начало. По сравнению с этим любой роман в Зильварене был бы банальным. Фишер стал для меня *всем*. Я настроилась на него всеми струнами. Чувствовала малейшие перемены в его настрое-

нии, подобные морским приливам и отливам, о которых я столько читала. И тревога о нем, когда мы разлучались, сводила меня с ума.

Надо признать, перспектива отправиться с Фишером даже не в Иррин, а в Калиш, где нас ждала теплая постель и возможность уединиться, выглядела очень соблазнительной. Можно будет унять круговерть мыслей, пусть и всего на одну ночь.

«Ладно. Верю тебе на слово. И да, я согласна перенестись с тобой на ночь в Калиш. Но при одном условии».

Кингфишер вскинул бровь, глядя на меня: *«Неужели? Выдвигаем требования, ваше величество?»*

Он называл меня так в шутку, но мне это все равно не нравилось. Я не хотела, чтобы нас разделяло что-то еще, ведь и то, что теперь я была наполовину вампиром, уже порождало проблемы. Ранним утром я могла выходить на балкон под солнечные лучи, но ненадолго. Как только солнце поднималось выше, я начинала чувствовать усталость, выматывающую до тошноты, и прямые лучи жгли кожу нестерпимо. Я все еще могла есть, но аппетит к обычной пище заметно снизился, к моему ужасу. В отличие от Таладаюса и других членов саназротского двора, у меня не возникло *необходимости* пить кровь ради выживания… зато появилось *желание* – я могла сколько угодно это отрицать, но оно было. С тех пор как я очнулась после трансформации, во мне горело смутное любопытство, теперь же, когда я вкусила от Фишера, интерес

к крови окреп и пустил корни. Даже сейчас я чувствовала в горле странный зуд, как при начинающейся простуде.

Формально я была воплощением всего того, что Фишер ненавидел… и вот вдобавок стала королевой. Неприязнь супруга к королевской власти была вполне объяснима. На моей родине правила королева-тиран. Зильварен страдал по вине Мадры ежедневно, и она причинила немало горя Фишеру лично. Мадра запечатала ртутные порталы и забрала у него отца. Кроме того, ивелийский престол был захвачен королем Беликоном, от которого Фишер всю жизнь терпел издевательства. А потом явился Малькольм, король Кровавого двора, и заточил его в лабиринте. Неудивительно, что в голосе Фишера звучат резкие нотки, когда он произносит слова «ваше величество». Но слышать их, когда он обращается ко мне? Это оказалось больнее, чем я готова была себе признаться.

Я постаралась подавить обиду. *«Да, пожалуй,* – сказала я ему. *– Но не переживай. Требование будет вполне разумным. По крайней мере, я на это надеюсь».*

«Слушаю».

«Я хочу получить боевую подготовку. С тобой. Мы не навсегда останемся при Кровавом дворе. Я не настоящая королева вампиров. Мне не нравится разгуливать по Аммонтрайету, делая вид, что я повелеваю своими мятежными подданными. Мне нужно поддерживать себя в форме, и я все еще не умею как следует владеть Утешителем. Меч слиш-

ком тяжелый, я его с трудом в руках держу».

Фишер и глазом не моргнул: *«Договорились. Хотя тебе лучше поупражняться с Лорретом, если ты действительно хочешь чему-то научиться».*

«Почему не с тобой?»

Он бросил на меня укоризненный взгляд, будто я сама должна была знать ответ: *«Я могу делать с тобой физические упражнения, Оша. Могу поднять перед тобой меч и парировать твои удары. Могу показать разные боевые стойки и рассказать о воинском ремесле. Но чего я не могу, так это атаковать тебя как в реальном поединке. А именно это необходимо, если ты действительно хочешь овладеть боем на мечах. Все должно быть по-настоящему, чтобы ты научилась правильно мыслить и реагировать под натиском нападающего. Для меня невозможно на тебя напасть, учитывая, что` я к тебе испытываю. Мы связаны Божественными узами. Я тебя люблю. Не сумею напасть, даже если бы захотел. А я…* – тихо добавил он, – *не хочу».*

– Эй, вы вообще слу… Да блин, они вообще не слушают! – Кэррион теперь стоял около мешка с головами.

В темных глазах Лоррета, наблюдавшего за контрабандистом, таилось веселье, но он явно пытался сдержать смех. Таладаюс выкатил из мешка одну голову и внимательно ее изучал, присев рядом, при этом на Кэрриона он старательно не обращал внимания. Как ему это удавалось, ума не приложу. Таладаюс его будто выключил.

Я почувствовала, как Фишера охватывает раздражение, но внешне он ничем этого не выдал, когда обратился к контрабандисту:

– Ну прости, Свифт. Теперь у тебя есть наше пристальное и безраздельное внимание. В чем заключается проблема?

– Я только что пытался донести до вас, что у этих фидеров есть еще кое-какие странности, заслуживающие упоминания, – обиженно сказал Кэррион. – Но если никому не интересно услышать какие…

– Давай уже говори, – велел Фишер.

– Что ж, честно признаться, я не то чтобы спец по фидерам, но… – Кэррион закинул в рот еще кусочек яблока, склонившись над головами и с прищуром разглядывая их. Он в кои-то веки дожевал, вместо того чтобы говорить с набитым ртом, и продолжил: – Сдается мне, они все должны быть из Ивелии, так?

– Да, разумеется, – подтвердил Лоррет.

– Ну а эти из Зильварена.

– *Что?* – Я невольно шагнула вперед. – Ты о чем?

– Здесь метят фидеров? Татуировками или типа того? – спросил Кэррион.

Таладаюс, подняв голову, обратил невозмутимый взгляд на Кэрриона:

– Некоторых рабов клеймят после обращения, да, но большинство членов Кровавого двора этим не заморачиваются. Каждый фидер и так связан незримыми узами с тем высо-

кородным вампиром, который его создал, и слушаться будет только своего господина, по-другому он просто не может. В рунах или иных метках нет необходимости, потому что мертвый резерв нельзя украсть.

Фидеры. Высокородные вампиры. Мертвый резерв.

Сколько всего я еще не до конца понимала об этом мире, но разбираться подробнее было некогда. Таладаюс добавил:

– А к чему ты клонишь? Что ты заметил?

Кэррион, пожав плечами, присел на корточки и принялся, задумчиво похмыкивая, осматривать отрезанные головы. Затем он с недовольным видом взялся за мешок, выпрямился и вытряхнул его – все восемь голов со стуком попадали и раскатились по полу.

Он подошел первым делом к женской голове – к той, которая выглядывала из мешка раньше, – отрезал еще кусочек яблока, закинул его в рот и громко захрустел.

– Две странности. Первая – прямо здесь, – сказал он, кивнув на женскую голову. – У нее на шее. По мне, выглядит как метка, которую поставили намеренно. Сейрис, подойди поближе и скажи, что ты об этом думаешь.

Некоторые отрезанные головы разевали рты, и оттуда сквозь обломанные зубы вытекал густой черный ихор, капал на пол. Красные глаза дико вращались в глазницах. Омерзительное было зрелище.

– Я и отсюда прекрасно вижу, спасибо.

Кэррион закатил глаза, с пыхтением пересек зал совета и

протянул ко мне руку, собираясь взять за запястье…

Кингфишер вмиг оказался рядом, встал прямо передо мной. Но лицо его было на удивление бесстрастным.

– Ты рад, что у тебя есть ногти, Кэррион? – вежливо осведомился он.

– Я… – озадачился Кэррион. – В общем-то, да.

– Я так и думал. – Больше мой супруг ничего не сказал.

Кэррион заломил бровь, надул губы, повращал глазами и покосился на меня.

– Ага. Ладно. Вероятно, это означает, что я не должен прикасаться к твоей девушке, да?

– Ох, боги и мученики, – пробормотал Лоррет себе под нос.

– Она мне не девушка. Она мне супруга, – поправил Фишер относительно дружелюбно. – И если ты прикоснешься к ней какой-либо частью тела – то есть вообще любой, – лишишься этой части немедленно.

Кэррион обдумал его слова.

– А если, допустим, твоя супруга висит на краю обрыва, цепляясь за него одной рукой, и ясно, что долго не продержится? Можно мне к ней прикоснуться чем-нибудь?

– А где нахожусь *я* в этом твоем *маловероятном* сценарии?

– Возможно, ты мертв.

Фишер натянуто улыбнулся:

– Если *я* мертв, тогда…

– Эй! Вы оба просто смешны! Я лучше пообщаюсь с отрубленной башкой, чем буду и дальше слушать *это*. Хватит уже! – Я обошла их и зашагала туда, где лежали проклятые головы. Лоррет наклонился и поднял за волосы ту, что принадлежала женщине-фидеру, чтобы я могла ее рассмотреть.

На обрубке шеи действительно была метка, как и предположил Кэррион. И едва я ее увидела, у меня мгновенно скрутило живот от ужаса. Кэррион *точно знал*, что это за метка.

– Ох, – вырвалось у меня.

Маленький крестик на шее за ухом женщины когда-то был обычной татуировкой, теперь он превратился в узел из вен, вздувшихся под кожей. Они казались омертвелыми, но пульсировали, словно полнились эхом памяти о биении сердца, которое уже не наполняло их кровью.

Моя рука сама потянулась к шее – к моей шее – и маленькому черному крестику, незаметному под волосами.

Я не могла произнести ни слова. За меня это сделал Фишер, слегка задыхаясь:

– Ты вспомнила про знак стерилизации? Получается, – он кивнул на голову, которую Лоррет все еще держал на весу, – у нее такая же метка, как у тебя, да?

Я кивнула.

– Вторая странность, указывающая на то, что эти фидеры не из Ивелии, прямо у вас перед глазами, – сказал Кэррион.

Мне стало нехорошо от противного чувства пустоты, возникшего в животе.

– Уши.

– Боги неумирающие, – простонал Таладаюс. – Как же я не заметил? Округлые! Их гребаные уши – округлые! Это *люди*.

– Они могли раньше жить здесь, – сказала я. – Ведь в Ивелии когда-то было много людей, до появления проклятия крови, правда же?

Но мой создатель покачал головой:

– У мертвого резерва ограниченный срок годности. Темная магия, которая поднимает мертвецов, позволяет им двигаться, да, но лишь какое-то время. Тела продолжают разлагаться. В конечном счете они истлевают, обращаются в прах. Лет за пять. Может, за десять. А эти фидеры мертвы всего несколько недель, даже не месяцев. У них волосы еще не выпали. У некоторых языки…

– Ладно, ладно, я уже… представляю картину. – Мне вдруг срочно понадобилось присесть. – И что это все означает? Люди в Зильварене попрыгали в резервуар со ртутью, как только мы где-то открыли портал? Они вышли в Калише, и… на них напали где-то *там*?

– Нет. – Лицо Фишера омрачилось. Кожаные доспехи заскрипели, когда он принялся мерить шагами зал, размышляя на ходу. – Они не могли выйти из портала в Калише. Их там сразу обнаружили бы. И в любом случае в Калиш они могли попасть, только если бы специально *пожелали*, чтобы ртуть доставила их именно туда. И прости, если я ошибаюсь, но мне казалось, что людям в Зильварене ничего не известно

об этом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.